

Ускопка

1962

№ 1

Январь 1962 г.

Искорка

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

В. Николаев

НОВИЧОК

Распахнулись двери школы —
Паренёк стоит весёлый:
— Не пугайтесь сквозняка!
Принимайте новичка!

Возле ёлки песни смолкли.
В удивленье замер класс,
Лишь часы стучат на ёлке:
— Бом! Бом! Бом! — двенадцать
раз.

Хмурит брови Дед Мороз,
Задаёт такой вопрос:
— Ну-с, товарищ новичок,
Покажите дневничок!

Дед Мороз дневник листает —
Ничего не понимает.
В дневнике чисты страницы,
Нет отметок в нём ещё.
— Я пришёл как раз учиться, —
Заявляет новичок!

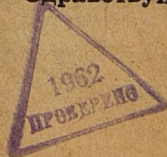
И учиться, и трудиться
В школе,
в поле,
у станка.

С песней вашей подружиться
Есть мечта у новичка!

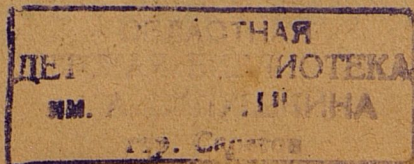
Весь отряд шагнул вперёд:
— Здравствуй, друг наш —
Новый год!

Рис. В. Адаева

И МК

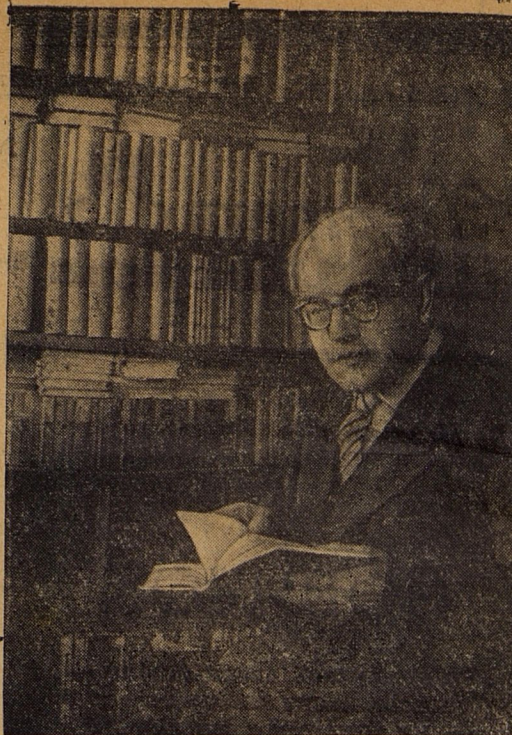

В ЭТОМ году советская пионерия отметит в мае большой праздник — свое сорокалетие. Готовятся к нему не только пионеры. В издательствах печатаются книги, посвященные славному юбилею, композиторы создают новые пионерские песни, художники пишут картины о советской детворе.

Сели к столу, взялись за перо и те, кто был когда-то в рядах самых первых пионеров. Они пишут свои воспоминания, хотят рассказать сегодняшним ребятам о тех бурных годах, полных поисков и борьбы.

Сегодня мы начинаем вести в нашем журнале раздел «Пионерской летописи строки». Первым в нём выступит пионер отряда, созданного в

середине 1922 года при Смольном, А. Е. Павлов. Коммунист, журналист по профессии, Александр Евгеньевич Павлов и сейчас связан с пионерской работой. С 1925 года по сей день он участвует в работе газеты «Ленинские искры». Много внимания уделяет он работе красных следопытов при Смольнинском доме пионеров.

А. Павлов

Рисунки В. Павлова

Отряд из Смольного

(Из дневника бывшего пионера)

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Слух о том, что в Смольном создаётся детская коммунистическая организация, разлетелся по всем дворам с невероятной быстротой. Ещё председатель ячейки РКСМ Смольного думал, кому бы поручить написать об этом объявление, а к нему в ком-

нату ввалились далеко не робкие смольнинские ребята.

Если на предприятиях и в учреждениях первые детские организации, создаваемые по месту работы родителей, объединяли ребят, впервые встречавшихся друг с другом, то в Смольном почти все мальчишки и девчонки были дав-

ние знакомые — вместе играли в казаки-разбойники, учились в одной школе, пробирались «зайцем» на киносеансы в клуб имени Карла Маркса.

Не мудрено, что весть о детской коммунистической организации дошла до нас быстрее, чем до взрослых.

Председателю ячейки РКСМ пришлось открыть список первых членов новой организации до того, как было вывешено объявление.

— Запишите меня в юные коммунисты, — требовал один.

— А меня — в молодые комсомольцы, — просил другой.

В список были занесены первые два десятка фамилий.

В начале школьных каникул 1922 года провели мы первое собрание.

В Николаевском саду (так именовался один из садов Смольного) собрались те, кого в объявлении называли «членами детской коммунистической организации» — «красными скаутами».

Около беседки с окнами на Неву толпилось столько народу, сколько не собиралось здесь ни разу. Были тут не только дети школьного возраста, но и взрослые, и малыши-дошколята.

Раздалась команда:

— Построиться по росту!

Председатель комсомольской ячейки познакомил нас с вожатым. Его звали Лёвой.

Саша Павлов

Лёва рассказал, что в западных буржуазных странах существуют детские организации бойскаутов. Они воспитывают прислужников капитализма.

«Красные скауты» — дети трудящихся молодой Советской республики — должны подготовить смену своим старшим товарищам — комсомольцам.

ЛЕГЕНДА О КОЛОКОЛЬНЕ

До революции в зданиях Смольного размещался институт благородных девиц. Там также находился «Санкт-Петербургский вдовый дом», в котором жили престарелые вдовы дворянского происхождения.

Под властью этой оравы молодых и престарелых — «благородных» девиц и вдов находились сотни рабочих: дворников, горничных, поваров, кочегаров, поломоек, прачек, садовников, швейцаров, столяров, маляров, печников...

Весь этот подневольный люд, в большинстве неграмотный, ютился в подвалах, имея указание как можно реже попадаться «пред светлые очи барынь».

Огромный собор и четыре домовые церкви с постоянными молебнами и службами держали весь рабочий люд в страхе божьем.

После революции домовые церкви и собор были закрыты.

Когда закрыли собор, церковники стали распространять нелепые слухи: то якобы сам собой вспыхнул крест, то часовому, стоявшему на посту у храма, было видение, и он застрелился. Ходили рассказы ещё о том, что ровно в полночь бьёт один из колоколов.

Находились люди, которые верили всем этим басням.

Но мы, пионеры, конечно, понимали, что это поповские выдумки.

Днём из простого любопытства мы не раз забирались на высокую колокольню, обманывая бдительность одинокого часового, который охранял здание храма как архитектурный памятник. Спрашивали мы у стража с ружьём о «видениях». Он смеялся и говорил: «Как видите, я жив».

Как-то мы решили в полночь отправиться на колокольню.

Нам не только хотелось разоблачить нелепый слух, но и побывать в соборе ночью.

И вот тёмной ночью подошли к лазу в подвале, через который мы должны были проникнуть в алтарь, пройти через церковный зал, а потом по лестницам — на колокольню. Никому не хотелось спускаться первым. Вдруг один из членов «экспедиции» заявил:

— Слабó, Сашка, одному сходить на колокольню!

— Нет, не слабó! — не задумываясь, ответил я.

Забрав несколько огарков церковных свечей (найден-

ных во время дневных посещений собора) и коробок спичек, я с замиранием сердца полез в подвал...

Осторожно ступая по толстому слою пыли, подошёл к лестнице. Начал подниматься.

Каждый шаг гулко отдавался эхом в сводах собора, — хрустело битое стекло.

Осторожно, чтобы не погасить огарка, открыл чердачную дверь, вошёл. Хлопая крыльями, заметалась какая-то птица. От неожиданности и страха я уронил свечу и спички. Всё погрузилось во мрак. «Голуби», — с опозданием догадался я.

Начал ощупью отыскивать свечу и спички.

Во время поисков я обнаружил ещё одну «потерю» — потерял ориентировку и не знал где дверь.

Кое-как добрался до колокольни. С неё открывался такой красивый вид, что я засмотрелся и сразу забыл обо всех пережитых страхах. Первый раз в жизни я видел ночной Смольный, Неву, окружающие улицы с высоты нескольких десятков метров. Огоньки очерчивали линии улиц, площадей.

В подтверждение того, что я здесь был, привязал к решётке носовой платок.

Спуск вниз прошёл быстрее.

Внизу у лаза ждали ребята. Увидели меня, и все сразу захотели сами подняться на колокольню. Я пошёл вместе с ними.

Минут двадцать пробыли мы на колокольне, любуясь красотой ночного города.

Спускаясь вниз, делились впечатлениями. Выйдя под гулкие своды храма, мы пошли, как в строю, чеканя шаг. Один из нас озорно запел:

*Долой, долой монахов,
раввинов и попов.
Мы на небо залезем,
разгоним всех богов!*

Пять молодых голосов, подержанных многоголосым эхом, звучали как хор.

На другой день о нашей ночной «экспедиции» знали ребята всего района.

Взрослые, поглядывая на белое пятнышко носового платка на колокольне, улыбались.

По секрету некоторые из ребят рассказывали, что они сняли с шеи кресты, а родители не замечают. А может, только делают вид, что не замечают?..

ОБ ОДНОЙ МЕЧТЕ

— Девонька! Девонька с галстуком, это я тебя кличу, — обратилась уборщица тётя Феня к одной из пионеров. — Дочка куда-то ушла,

а тут письмо пришло. Прочти, родная.

Подобная просьба была тогда не в диковинку.

Ещё шли бои за советскую власть, когда молодое государство уже позаботилось о малограмотных. У нас, в Петрограде, были созданы тысячи школ, которые тогда называли «ликбезами» (ликвидация безграмотности). Учиться взрослым людям, обременённым семьёй и другими заботами, было очень трудно. Они не всегда могли в установленное время посещать занятия, выполнять домашние задания. Да и учителей не хватало.

Ребята охотно оказывали помощь неграмотным. Читали и писали для них письма, заявления и другие документы. У многих из нас родители тоже были неграмотными. Очень хотелось, чтобы они научились читать и писать. Вот мы и стали помогать родным осваивать чтение, письмо и премудрости арифметики.

Однажды к нам на сбор пришла учительница.

— Я слышала, что некоторые мальчики и девочки помогают своим родителям учиться,— сказала она. — Это большое и благородное дело. Подумайте сами. Если каждый из вас научит грамоте хотя бы одного человека, то ленинская мечта — видеть советскую Россию страной сплошной грамотности будет быстрее осуществлена.

Ленин и его дело!.. Мы, ребята Смольного, знали об

Ильиче не только по газетам и книгам, но и по рассказам родных и близких, а некоторые из нас, в том числе и я, даже сами видели Владимира Ильича во время его последнего приезда в Петроград в июле 1920 года.

Помочь осуществить мечту великого вождя!.. Что может быть прекраснее и увлекательнее этого!

— А как же быть мне, у меня родители грамотные? — спросил я.

— Не беда, — улыбнулась учительница. — Будешь учить неграмотную.

Здесь же на сборе мы получили «подшефных», которых должны были обучать, и в тот же день отправились к ним договариваться о времени занятий.

На сборы многие из нас стали приходить с тетрадками своих учеников. Мы с гордостью показывали друг другу, как тридцати — сорокалетние люди впервые в их жизни самостоятельно написали: «Советская власть — наша власть!..»

Особенно отличились в этом деле наши девочки. С их помощью овладела грамотой и уборщица тётя Феня, которой в то время было далеко за пятьдесят лет.

МЫ ОБОРУДУЕМ КЛУБ

С каждым днём росла наша пионерская семья. В школьных коридорах всё больше и больше появлялось ребят с красными галстуками.

Смольнинский отряд пионе

ров уже не вмещала детская комната в клубе имени Карла Маркса. Нам отвели под пионерский клуб зал на северной половине. Когда-то там обедали старые девы дворянского происхождения. С 1917 года этому помещению не находили применения. В нём хранилась ломаная мебель и разный хлам.

Комендант, вручая ключи, сказал:

— Вот вам клуб. Мебель на инвентаре не числится. Что хотите, то и делайте.

Ни одного целого стола, стула или шкафа среди этой «мебели» мы не нашли. Но у ребят было большое желание создать свой пионерский клуб.

Из дома принесли молотки, отвёртки, винты, гвозди и другой нехитрый инструмент.

Несколько дней по вечерам из склада ломаной мебели наши мастера отбирали всё, что поддавалось восстановлению. Из двух-трёх бывших стульев неплохо получался один. Так же обстояло дело со столами и шкафами.

Когда зал был очищен от хлама и мусора, девочки вымыли пол, окна, обтёрли крашенные масляной краской стены. Помещение стало неузнаваемым!

Установили отремонтированную мебель.

Забрёл как-то комендант в наш клуб и застыл в дверях от удивления:

— И всё это вы сами сделали?

Да, всё это было сделано нашими руками! Мы тща-

тельно оберегали дело своих рук и впоследствии, когда пионерскому клубу было предоставлено ещё более обширное помещение, куда мы переехали со своей мебелью.

В наш клуб мы приглашали взрослых. Показывали им гимнастические упражнения, пели вновь разученные песни, читали стихи, танцевали.

Вечером, когда не было сборов, некоторые ребята приводили сюда своих «подшефных», которым они помогали учиться грамоте.

Три раза в неделю отрядный библиотекарь выдавал книги.

Частыми гостями клуба были врачи Триус и Таубман. Они не только рассказывали о том, как вырасти сильными и здоровыми, учили приёмам оказания первой помощи, но и помогли создать «Уголок здоровья». Это были первые взрослые, участвовавшие в создании пионерских уголков.

Из комнат и квартир перетаскивали в клуб шашки, шахматы, пользовавшуюся в то время успехом игру «Военно-морской бой» и другие.

Пионерский отряд и клуб приучали ребят жить общими интересами, прививали чувство коллективизма. Со всеми вопросами, со всеми делами мы шли к себе в отряд, в клуб.

МИТИНЫ БОТИНКИ

Крепла дружба смольнинских ребят. Вместе ходили в кино, играли в городки, лапту. Вместе отстаивали свои интересы, не давая в обиду

членов нашей дружной семьи.

Пионер Митя Николаев однажды явился в школу в новеньких ботинках. Обновка понравилась всем.

Семья у Николаевых была большая, и родители с трудом скопили деньги на эти ботинки.

И вдруг во время перемены отстала подошва на одном ботинке. Митя снял ботинок, и тут выяснилось, что подошва была из картона.

— Покупал на рынке? — испугались мы.

— Нет, в магазине нэпмана...

— Поезжай к нему сейчас же. Требуй, чтоб обменяли, — советовали мы.

Кто-то из ребят принёс тапочки, и наш товарищ, надев их, поехал.

Ещё не кончились уроки, а Митя вернулся. По его заплаканному лицу и свёртку под мышкой мы поняли, что обмен не состоялся.

— Нэпман говорит, что я у него не покупал, и выгнал из магазина! — рассказывал Митя.

Состоялось совещание, после которого Митя снова пошёл в магазин в сопровождении нескольких рослых ребят.

Владелец обувного магазина встретил детей враждебно. Менять ботинки, а тем более возвращать деньги, он отказался.

Из магазина вышли возбуждённые:

— Разве буржуя проймёшь словами! Надул и радуется!

В витрине, как бы изде-

ваясь над покупателями, красовался огромный плакат: «Лучшая обувь только здесь!»

Посыпались предложения: — Вот бы высадить стекло в витрине!

— Или закрасить её чёрной краской!

Здесь же родилась идея мести частнику...

Через час напротив ненавистного магазина стояла толпа смеющихся людей.

Подошёл милиционер, посмотрел, улыбнулся и пошёл дальше.

У входа в магазин Митя и его товарищи, взявшись за руки, организовали цепочку — оцепление. На перевёрнутом ящике стояли Митины ботинки со вставленной между стелькой и оторванной подметкой спичкой. От ботинка шла большая стрела из картона к витрине с надписью: «Лучшая обувь только здесь!»

Выбежавший из магазина хозяин хотел пинком ногой опрокинуть ящик, но прорвать цепочку ему не удалось.

— Милиционер! — истошно завопил нэпман.

Подошёл милиционер. Ед сдерживая улыбку, он сказал, что никаких нарушений порядка он не видит и что продолжать картонную обувь не хорошо. Козырнул и пошёл в сторону. В толпе зааплодировали.

Несколько раз выбежал частник к нашей «выставке». Сначала он предлагал заменить ботинки, но Митя требовал вернуть деньги.

Каждый выход хозяина толпа встречала смехом и выкриками.

Наконец, он вынес деньги. На них мы в государственном магазине купили пару добротных скороходовских ботинок.

БУМАЖНЫЕ ГВОЗДИКИ

— Ребята, кто из вас умеет делать бумажные цветы? — спросил на одном из сборов вожатый.

Поднялось несколько десятков рук.

— Те, кто умеет, пусть научат неумеющих. Есть заказ на изготовление полутора тысяч гвоздик. Цветы нужно сделать так, чтобы их было не стыдно продавать. Весь сбор от их продажи пойдёт на борьбу с беспризорностью.

Беспризорники! Кто их не видел в двадцатых годах на улицах нашего города... Грязные, оборванные, они бродили возле рынков, выпрашивая кусок хлеба.

Помочь нашим сверстникам, попавшим в беду, мы считали делом чести.

Клуб мгновенно опустел — ребята помчались домой за ножницами, а вожатый в это время разложил по столам тонкую красную бумагу и проволоку.

Производство бумажных гвоздик все освоили быстро. Многие даже превзошли «учителей» в быстроте и изяществе изготовления.

Свыше двух тысяч алых цветочков принял от нас вожатый.

— Первая часть дела за-

кончена. Теперь наступает вторая, наиболее важная — сбор пожертвований. Это дело также поручается вам, — сообщил он. — На днях мы получим кружки для сбора пожертвований на новые детские дома.

И вот мы с красными галстуками на груди и с металлическими кружками для сбора пожертвований двинулись в кино, кафе, на улицы. Многим сборщикам не хватало бумажных гвоздик, но, увидев надпись на кружке, люди опускали свои монеты, не требуя цветов.

ЕЩЁ ОДИН «ПОДШЕФНЫЙ»

— Красные галстуки! — позвал нас военный в будёновке. — Из какого отряда?

— Из смольнинского.

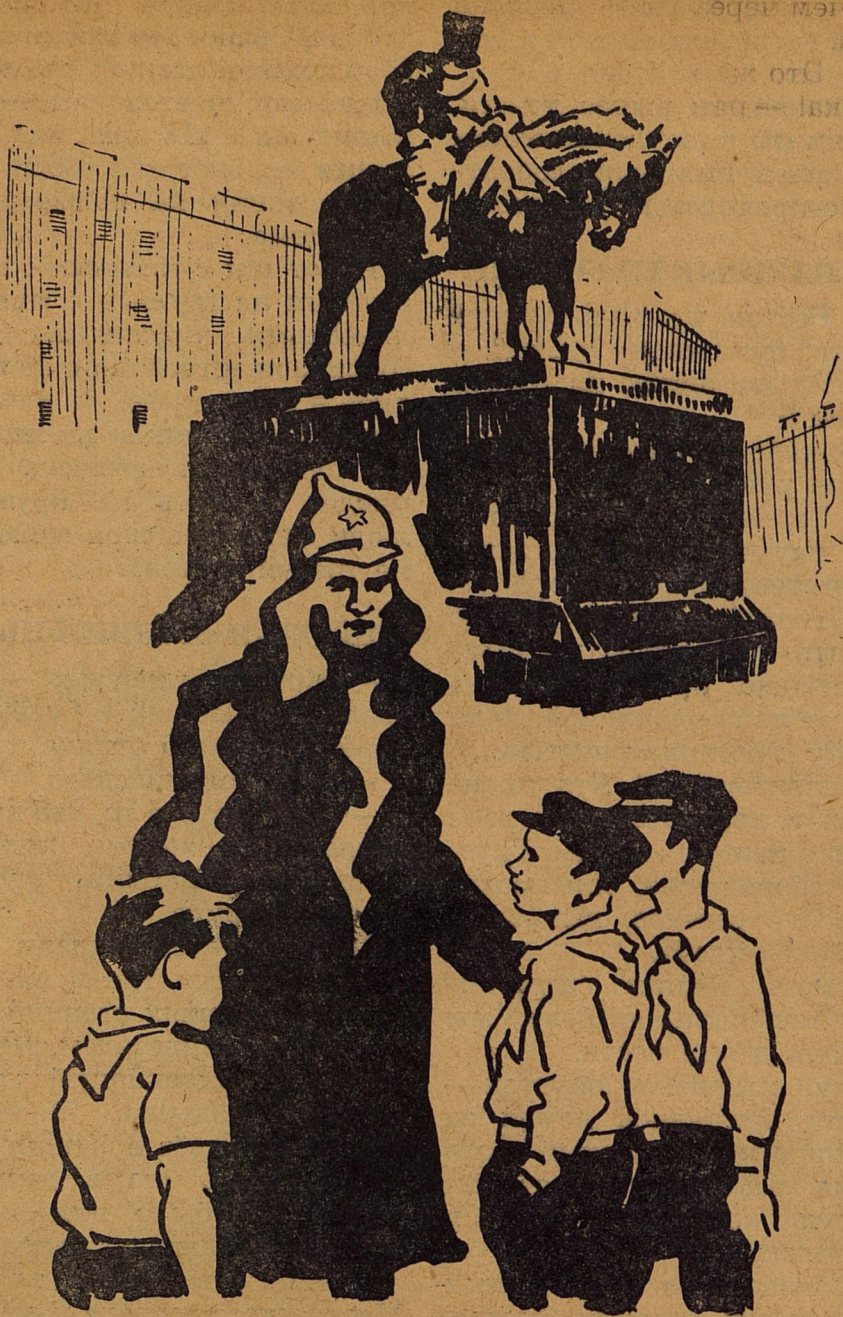
— Это как раз то, что надо. Лучшего и желать нельзя. Прошу вас, выполните просьбу большевика.

Мы, конечно, обещали.

Оказывается, где-то на одной из северных станций военный был свидетелем смерти женщины, оставившей пятилетнего малыша. Малыша военный привёз в Ленинград. Чтобы сдать его в детдом, у него не было времени — эшелон готовился к отправке.

Военный вбежал в здание Московского вокзала и вскоре вынес худенького мальчугана в сползавшей на глаза будёновке. Из вручённых нам документов мы узнали — мальчуган из Поволжья.

Малыш, плача, рассказал, что отец убит на войне, де-

душка и бабушка умерли с голоду. Куда ехал с мамой — забыл.

Мы привели мальчика в наш пионерский клуб.

Первыми позаботились о нём девочки: вымыли малы-

ша, достали где-то ему чистое бельё, причесали и составили расписание: когда и у кого он будет жить.

По расписанию выходило, что в детский дом определять малыша можно будет не ра-

нее чем через три-четыре месяца.

— Это же человек, а не игрушка! — рассудительно сказал кто-то. — Его же воспитывать надо. Мы же пионерское слово дали определить его в детский дом...

Малыш пожил в семьях ребят несколько дней, пока мы не выхлопотали ему в отделе народного образования направление в детдом на Ковенском переулке.

Несколько лет детский дом на Ковенском посещали смольнинские пионеры, навещая своего «подшефного».

ПЕРВЫЕ ПИОНЕРЫ ВЫРОСЛИ...

Смольнинский отряд воспитал немало преданных Родине сыновей и дочерей.

Во время блокады бывший пионер Дмитрий Александрович Николаев (помните историю с Митиными ботинками!) не только сам самоотверженно работал на «Большевике», но и обучил слесарному ремеслу десятки ленинградцев. В трудном 1942 году ежедневно поутру выходил он из дома неподалёку от Аничкова дворца и пешком шёл к заводу. Продолав многокилометровый переход, он, физически слабый от недоедания, делал всё, чтобы раньше срока выполнить заказы фронта. Д. А. Николаев перешёл бы

на казарменное положение, но дома были жена и дети.

Николаев погиб в ту суровую зиму, до конца выполнив свой долг советского человека.

О другом смольнинском пионере, ставшем впоследствии отличным шофёром, Викторе Абрамовиче Голубеве, мне рассказал его товарищ по части, в которой воевал Виктор.

...Это было под Колпином. Из-за отсутствия горючего не могли подняться самолёты. Цистерны с горючим были неподальёку. Но, чтобы доставить их, требовалось преодолеть участок, простреливаемый гитлеровцами.

«Разрешите мне доставить горючее!» — обратился Голубев к командиру.

Фашисты и дух перевести не успели, как машина с горючим проскочила опасную зону.

Второй рейс тоже был удачным.

Третью цистерну доставить не удалось. От прямого попадания взорвался авиабензин.

Самолёты были обеспечены горючим, но Виктор погиб. Погиб как герой...

Жизнь разбросала по разным уголкам нашей необъятной Родины пионеров-смольнинцев. И каждый из них честно живёт и хорошо работает.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
 поэтесса Екате-
 рина Васильевна Серова
 создала для нашей дет-
 воря немало хоро-
 ших стихов. За восемь
 последних лет ребята
 получили уже десять
 книжек Е. Серовой.
 Стихи в них — самые
 разные: одни очень на-
 певные, лиричные; дру-
 гие полны весёлого за-
 дора, звонкого смеха;
 третьи — колющие, за-
 диристые, в которых
 крепко достаётся лоды-
 рям, зазнайкам, неря-
 хам.

Скоро юные читате-
 ли познакомятся с новой книжкой стихов Екатерины Васильевны — «Кто
 герой?» В ней будет рассказано о мечтах ребят и об их поступках, характерах.
 А главное, эта книжка поможет ребятам выяснить очень важный вопрос: кто
 из них может стать настоящим героем и что для этого нужно сделать?

Ко дню сорокалетия пионерской организации выйдет и ещё одна книжка.
 Правда, в ней поэтесса Серова не написала ни одной строчки — это книжка
 стихов ленинградских пионеров. Екатерина Васильевна — редактор этого
 сборника — первый помощник и строгий критик юных поэтов.

А строгими критиками стихов самой поэтессы являются, конечно, ребята.
 С ними очень часто советуется поэтесса. Маленькая Оля — первая советница
 и первый критик маминых стихов.

Е. Серова

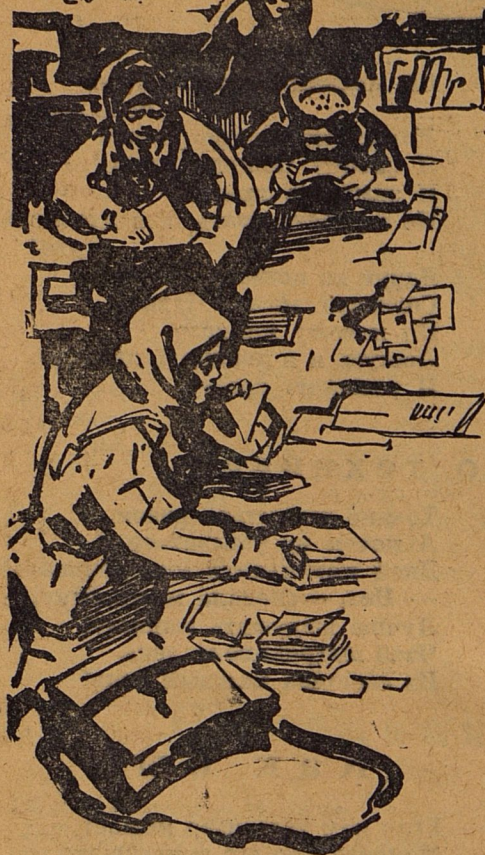
Рисунки П. Вискова

Немецкая овчарка

За ящиком, в углу двора,
 Щенка я вдруг нашёл вчера.
 Щенок прекрасный — повезло —
 Немецкая овчарка!
 — Дворняжка! — спорит мне назло
 Соседская Тамарка.
 Я стал дрессировать щенка,
 Но что-то толку нет пока.
 Кричу: «Беги!» — а он лежит!
 Кричу: «Лежи!» — а он бежит!
 Сказал: «Возьми прыска»,
 А он схватил сосиску!
 «Неси мой мячик!» — не понёс,
 Промчался, хвост колючком!..
 Ну, раз не понимает пёс
 По-русски ни словечка,
 Так, значит, он наверняка —
 Немецкая овчарка!..
 С почтеньем смотрит на щенка
 Соседская Тамарка.

ДВА ПОЧТАЛЬОНА

БОЛЬШОЕ светлое окно на почте было наглухо заложено кирпичами.

Только в спокойные часы, когда на город не падали вражеские бомбы или снаряды, из кладки вынимали кирпичик.

Велико ли отверстие? Но от солнечного луча вся комната светлела.

Светлели и лица работавших здесь людей.

При коптилке трудно разбирать почту. Ведь всего только капелька огня!

А писем у каждого почтальона вон какая пачка! Да ещё газеты — тоже надо разнести по адресам. Набирается полная сумка.

Вот и сейчас с коптилкой...

— Да что это право, ни свет, ни потёмки! — И почтальон Петрова привстала из-за стола, чтобы приправить фитилёк.

Все всполошились:

— Не тронь, Глаша, лучше не тронь. Совсем погаснет.

Почтальон Глафира Петрова сегодня очень спешила наполнить сумку.

В госпитале, куда она доставляет почту, с каждым днём терял силы раненый солдат. Лекарства не помогали...

«И не помогут! — сказали доктора. — Не помогут, если не будет письма от товарища, с которым этот солдат был в бою!»

Весь госпиталь знал подробности героического боя. Два солдата отбивались в окопе от фашистов. За Родину стояли на смерть... Один после тяжёлых ран очнулся только в госпитале. А другой?

Другой пропал из виду...

И теперь раненый наяву и в бреду требовал: «Узнайте, где

Ахмедов, расследуйте... Он мне жизнь спас! А сам... ему руки крутили, в плен брали. Больше ничего не помню... Отбил-ся ли? Ох, замучают фашисты Ахмедова!»

От тоски по товарищу раненый не находил себе места.

Лекарства не действовали. Солдат погибал...

Глаша говорила себе: «Хоть бы какое-нибудь известие! Может быть, человек и не в плену вовсе, а пал героем на поле боя... Эх, кабы знать!»

И вот в руках у Глаши письмо. Сложенный треугольником листок из тетрадки. Полевая почта номер... И среди этих знаков Глаша прочитала: «Кулешу — от Ахмедова».

Кулеш — это и есть тот солдат, который маялся неизвестностью.

Драгоценное письмо! Теперь — поскорее бы его доставить!

Все сидевшие вокруг стола радостно зашумели, когда в репродукторе щёлкнуло и весёлый голос объявил: «Отбой воздушной тревоги! Отбой...»

Почтальон Петрова первая бросилась к замурованному окну.

Выхватила из гнезда кирпич — да сил не рассчитала... Закружилась голова, подкосились ноги, и она едва успела ухватиться за табурет, чтобы сесть.

Подружки-почтальоны, обрадовавшись дневному свету, не заметили, что Глаше плохо.

Быстро закончили дело. Сумки через плечо — и марш за дверь.

Уходя, каждая взяла с полки пакетик — свой дневной паёк хлеба.

Блокада. Ленинград. Два раза откусить — и пайка как не бывало...

Глаша лишала себя и этого ломтика. Тайком от подруг подкладывала половину в другой пакетик. Очень уж одна из девушек-почтальонов страдала от голода. Даже плакала.

Глаша была крепкая, здоровая женщина.

Но, как видно, чересчур понадеялась на свои силы. Теперь и с табуретки не встать.

«Хлебушка поем, подкреплюсь, — подумала она, — да кипяточком запью. Ножки и побегут».

Вдруг как гром ударил в комнате. Пол так тряхнуло, что Глаша упала. И в ту же минуту сделалось ослепительно светло.

Глядит — а стена отделилась от потолка и разваливается на части.

— Бомба! — вскричала Глаша. — Проклятые фашисты!

Среди обломков каким-то чудом уцелела полка. На ней по-прежнему белел пакетик.

Глаша, охая от ушибов, поползла через комнату.

«Лишь бы хлеб спасти, — подбадривала она себя. — Сразу вернутся силы!»

Только теперь она заметила, что в противоположном конце комнаты начался пожар.

Ахнула Глаша... Горела её сумка с письмами. Это расплескался на столе и вспыхнул керосин из коптилки...

Что делать? Что сначала
спасать?

Хлеб?.. Но тем временем сгорит письмо от Ахмедова.

Сумку?.. Рискнешь остаться
без хлеба.

Но раздумывать некогда!

И вот Глаша уже у стола...
Стащила сумку на пол, — а
она вся в языках пламени.
Глаша навалилась на этот ко-
стёр грудью, стала тушить
огонь.

Ей удалось в обнимку с сум-
кой выкатиться на улицу.

Здесь в сугробе снега она
потушила пламя.

И сразу вспомнила про хлеб.

Но ни полки уже, ни пакети-
ка... Обвал всё накрыл битым
кирпичом.

Почтальон Петрова с ожога-
ми на лице и на
руках, в обгорев-
шем ватнике вы-
шла на работу.

«Нет, не разнести писем!» —
И она, почувствовав слабость,
прислонилась к забору. Сумка
выпала из рук.

Мимо со звоном и грохотом
промчались пожарные ма-
шины.

Глаша даже руку не под-
няла, не попросила помощи.

Пожарные не имеют права
останавливаться. Да им и не
до неё: где-то горит или, быть
может, надо спасать людей...

Из-за угла показался грузо-
вик.

Глаша приободрилась.

— Стойте, товарищи, стой-
те! — Она размахивала пись-
мом с обгоревшими уголка-
ми. — Мне бы только до госпи-
таля!

Грузовик был полон солдат,
и командир, повернувшись к
Глаше, постукал пальцем по
своим часам: мол, некогда!

Глаша поняла, что солдаты
спешат в бой.

Машина у них была
чёрно-белая, пятни-
стая. Такие машины
зимой — невидимки
для врага.

А время шло...
И Глаша с замира-
нием сердца подума-
ла: «Моченьки нет...
Как же доставить
письмо? Ах, Кулеш,
ведь вот оно, твоё
спасение! Только по-
спеет ли к тебе?»

Ещё машина...
Опять машина... Тя-
жёлые идут, с грузом.
За рулём мрачные,
иззябшие шофёры.

Они даже замечать не желали женщину, которая что-то кричала у забора.

По улице брели двое — старик и девочка в платке. Впрягшись, тянули санки.

На санках чайник с водой — всего только и груза; но старик и девочка трудились вдвоём.

Остановились передохнуть.

«А ведь ей годочков пять-шесть! — Глаша улыбнулась девочке. — Да и глазёнки бойкие, смекалистые... — И с волнением подумала: — Такая может выручить, может!»

— Девочка, хочешь быть почтальоном?

Ребёнок деловито сморщил брови:

— Это как? По-правдашнему?

Глаша кивнула:

— По-правдашнему. Вот письмо. Надо снести в госпиталь раненому.

Малышка:

— Знаю, где госпиталь... —
И вдруг лукаво прищурилась: — А я и не девчонка вовсе! — и выпростала из тёплого платка лицо: — Смотрите, я мальчик. Я Ванюша!

Старик рассердился на Глашу. Заворчал: мол, это безобразие — среди улицы хватать чужих детей и превращать их в почтальонов!..

А мальчик — к деду:

— Нет, отпусти! Нет, отпусти!

Родители у мальчика, оказывается, были на фронте. А дед от себя внука — ни на шаг. Но скучно же вечно со стариком!

Мальчик уже в слезах:

— Папа отпустил бы. И мама отпустила бы.

Видит Глаша — упрямого старика не переспорить. Осталось последнее: хоть и опасалась она терять время, но пришлось рассказать про Кулеша и Ахмедова.

Старик встревожился. Забормотал в бороду:

— Ах ты, беда какая... Вот беда...

Да как накинется на внука:

— Ну, чего рот разинул? Чего стоишь? Бери письмо, беги!

Глаша вмешалась:

— Бежать, мальчик, не надо. Силёнок не хватит добежать. Иди спокойно, ровненько... И письмо в руки не дам. А вот так...

Она засунула письмо мальчику под пальто, на грудь. А

самого заново укутала тёплым платком. Спереди крест-накрест, концы платка под мышки — и завязала на спине узлом.

Поцеловала мальчика:

— Ну, ступай, Ванюша! Почтальон мой!

Старик почтительно спросил у женщины полное имя-отчество. Сел на краешек своих санок и показал свободное место по другую сторону чайника:

— Отдохнём, Глафира Ивановна. Вы, кажется, совсем больны. На вас лица нет!..

Глаша села и сразу забылась.

Очнулась она от шума подъехавшей машины и громких голосов.

Глядит — в кабине, рядом с шофёром, Ванюшка. Да такой важный, даже с места вставать не хочет!

А выскочивший из машины санитар в белом халате уже засуетился возле Глаши: освободил её от тяжёлой почтовой сумки, бережно взял под руки и стал усаживать в машину.

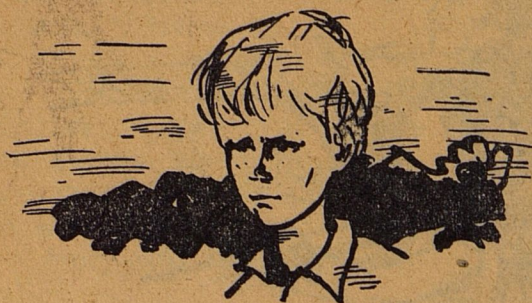
— Что же это вы, Глаша?.. Болеть надумали? Никак вам нельзя это делать! Кто же весточки-то принесёт? А уж Кулеш-то рад! Ожил сразу. Всех в гости требует! Садись и ты, дедушка. А воду-то из чайника выплесни — кипяточку нальём.

И санитарная машина, вздымая снежную пыль, помчалась к госпиталю.

A black and white illustration of a man and a woman in traditional attire. The man, wearing a wide-brimmed hat and a dark tunic, carries a large bundle of spears over his shoulder. The woman, with dark hair, carries a single spear. They are walking towards the right.

Он весь в отца лицом и силой рук.

СОСНЫ ШУМЯТ

(РАССКАЗ)

1.

БУЛОЧКА начал сердиться. Немецкие часы с чёрным циферблатом показывали два часа, а смены всё ещё не видно. Ещё в час должны были сменить. Всё-таки он не на твёрдой земле стоит, а висит на дереве, как лесной сыч. Ноги затекли, автоматный ремень врезался в шею. И самое неприятное — курить хотелось.

Внизу за ореховым кустом треснул сучок. Смена! Наконец-то. Булочка отодвинул ветку. Сейчас из-за куста покажется рыжая голова Василя. Он должен сменить Булочку. Василь — длинный и прямой, как жердь. Его в партизанском отряде звали Оглоблей. И ещё Орясиной. Конечно, за глаза так называли. Молчаливый, жилистый Василь, во-первых, был силен как бык, а во-вторых, не любил шуток.

Ореховый куст закачался, и в просвете показалась голова... только не рыжая, как ожидал

Булочка, а белая и вихрастая. Голова стрельнула по сторонам большими голубыми глазами и снова исчезла в ветвях. Булочка рванул с шеи автомат, прижал к плечу. Это не смена. Это чужак...

Снова куст закачался. Раздвинулись нижние ветви, и на маленькую сумрачную поляну выбрался невысокий паренёк в синей рубашке и просторных зелёных га-лифе. Широкий коман-

дирский ремень со звездой туго перехватил тонкую талию.

— Стой! — приказал Булочка.

Мальчишка остановился. Глаза его зашарили по деревьям. Булочка довольно усмехнулся. В пяти метрах и то не может обнаружить. Маскировочка! Мальчишка пожал плечами и сделал шаг вперёд.

— Стой, говорю! — загремел Булочка.

— А я и стою, — спокойно сказал мальчишка. — Если надо, могу сесть.

Булочка сложил губы трубочкой и по-птичьи свистнул. И тут же рядом отозвались. Из-за берёзового ствола показался рыжий Василь. Булочка слез с дерева, подошёл к мальчишке:

— Откуда?

— Столбовский я. Гаврилов.

— Сын Ефима?

— Его...

— А что тут делаешь?

— Веди к командиру, — сказал мальчишка. — Дело есть.

— Говори, что за дело, — подавал голос Василь. — Я и есть командир.

Мальчишка посмотрел на него, покачал головой:

— Не-е, ты не командир... Не похоже.

Булочка засмеялся:

— А я?

— Ты и подавно, — сказал мальчишка.

Теперь усмехнулся Василь.

— Поворачивай-ка оглобли, малый, — серьёзно сказал он. — И забудь дорогу, которой шёл сюда... Понял?

— К командиру надо... — сказал мальчишка. — Дело есть.

— Какое дело?

— Веди к командиру.

Булочка и Василь переглянулись, отошли в сторонку, посоветовались. Мальчишка услышал тонкий тенорок Булочки и глухой бас Василя, но слов разобрать не смог.

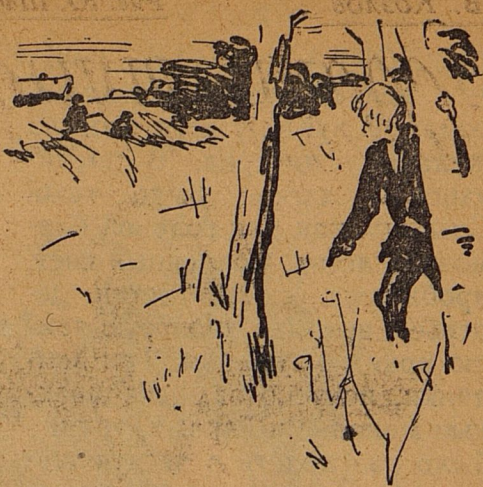
— Гляди сам, — громко сказал Василь и полез на ольху. Булочка подошёл к мальчишке.

— В Столбове немцы? — спросил он.

— Стоят. У старосты.

— Не могу я тебя доставить к командиру... Не имею права. Откуда я знаю, кто ты такой? Что ты за человек?

— Пионер я, — мальчишка по локоть запустил руку в карман и вытащил красный пионерский галстук. — Вот погляди...

— Неосторожный ты человек, — нахмурился Булочка. — Ремень со звездой. Галстук. Дразнишь немцев?

— Ненавижу их, — сказал мальчишка. — И полицаев. А ремень и галстук у меня были спрятаны в старой бане. К вам собрался — прихватил. — Он засунул руку в другой карман и извлёк затвор от немецкого карабина. — Фриц купался, я и вытащил. Хотел ружьё, да он вынырнул... Пускай теперь без затвора стреляет. — Мальчишка впервые улыбнулся. Голубые глаза засияли.

Булочка не знал, как быть. С одной стороны, получишь нагоняй от командира, а с другой — уж очень симпатичный парнишка. По глазам видно — не врёт. Булочка поправил на груди автомат, сердито сдвинул тёмные брови.

— Носит вас, чертенят, по лесу! Дóма не сидится... — проворчал он. — Ладно, идём до командира, парень... Уговорил!

БУЛОЧКА сидел на поваленной сосне и чистил автомат. В зубах у него дымила желанная сигарка. В партизанском лагере было тихо. Слышно, как над головой бормочут листья. Солнечный свет, пробиваясь сквозь ветви деревьев, выстилал хвоистую землю ярким кружевом. Три землянки, искусно замаскированные молодыми ёлками, трудно было разглядеть в десяти шагах. О лагере напоминали только чёрные проплешины, что остались от костров. Полная темноволосая повариха Аглая варила партизанский кулеш из всякой всячины. В большом двухведёрном котле кипело и булькало. Булочка поводил носом в ту сторону, причмокивал. Аглая умела вкусно варить. Из крапивы и нескольких рябчиков она ухитрялась для отряда приготовить не суп, а сплошное объедение. Выкапывала в лесу какие-то корешки, собирала траву. Для приправы.

Булочка прислушался. Из командирской землянки донёсся сердитый голос Ковалёва — командира отряда. Отчитывает мальчишку. Упрямый, чертёнок! Так и не сказал, что у него за дело...

Маленькая дверь землянки отворилась, и оттуда выскочил красный, взъерошенный мальчишка. Руками он придерживал широленные солдатские галифе. Рывком откинул вихры с глаз, — руки-то заняты, — и повернулся к двери:

— У нас все в роду малень-

кие... И батя. И брат старший. И сестра Танька. Маленький!.. Вырасту ещё.

— Ишь, генерал, — высунул из землянки голову Ковалёв. — Ремень со звездой нацепил... Ты бы ещё саблю наголо.

Голос у Ковалёва был сердитый, лицо тоже. Это на него не похоже. Обычно он спокойный, выдержанный. В руках у командира — ремень. Булочка даже привстал с дерева: неужели выпорол?

— Ремень отдайте, — сказал мальчишка. — Куда я так?

— Без ремня хорош, — проворчал Ковалёв, но ремень дал. Не со звездой, а свой — брезентовый.

— А теперь бегом в деревню. Да помни, что я сказал!

— Ещё и бегом... — сказал мальчишка. — И шагом хорошо.

3.

ТОЛСТЫЙ человек в белой нижней рубаше, выпущенной поверх штанов, выдернул из железных скоб тяжёлую дубовую перекладину, откинул два крюка. Дверь со скрипом отворилась. На крыльце ещё не высохла роса. Лицо толстяка было опухшее, редкие белёсые волосы стояли торчком. Оставляя отпечатки босых ног на влажных ступеньках, он спустился вниз, подошёл к сараю, оглядел увесистые запоры на сарае и амбаре, облегчённо вздохнул. На рассвете ему почудилось, будто кто-то бродит по двору, трогает замки.

Толстяк открыл хлев, выпустил на волю пару розовых по-

росят. Они, хрюкая, носились по лугу. Человек, почёсывая под мышкой, с удовольствием смотрел на них.

— Руки вверх, господин староста! — раздался за спиной повелительный голос. Клацнул затвор. Толстяк поднял сначала одну, потом другую руку. Хотел оглянуться, но...

— Не шевелись!

Староста ссутулил спину. Голова ушла в плечи. Партизаны! Пальцы на его руках мелко задрожали. Он ожидал выстрела. Но пока не стреляли.

— Повесим? — совещались за спиной.

— Утопим в озере...

Голоса были совсем молодые. Староста скосил глаза, но никого не увидел.

— Гони оружие! — приказал тонкий, не мужской голос.

— Какое у меня оружие? — сказал толстяк. — Нету.

— Что в кармане?

Староста вывернул оба кармана. В траву упала табакерка, ключи.

Немецкий карабин висел дома, за печкой...

— Будешь, гад, население притеснять? — звенел гневный голос. Руки у старосты перестали трястись. Он сглотнул и быстро заговорил:

— Видит бог, я для деревни всей душой... Заставили. С ружьём. Не по своей воле, видит бог... Кабы знал, да я бы...

— Народ обидишь — порешим, так и знай! И дом подожжём... Знаешь, кто мы?

Староста кивнул.

— Мы народные мстители... Уже трёх старост ликвидировали... Не оглядывайся!

За спиной слышались топотливые шаги. Зашелестела трава. Три раза глухо что-то ударило о землю. «Через забор перепрыгнули!» — сообразил староста. Обернулся и увидел, как сквозь кусты к озеру бегут трое: два мальчишки и рослая длинноногая девчонка. «Сукины дети! — выругался староста. — Чтоб вам сдохнуть». Бросился в избу, сорвал со стены карабин и, выскочив на крыльцо, выпустил в кусты всю обойму.

На выстрелы прибежали два полица в немецкой форме и унтер-офицер. В руках немца листовка: «Смерть фашистам!»

— Дрыхнете, дармоеды! — гремел на полицаев староста. — А меня чуть на тот свет не спровадили. Кто? Партизаны, вот кто! Еле отстрелялся... Сообщите в комендатуру... Нехай посылают подкрепление.

4.

До партизан из отряда Ковалёва дошли слухи, что в их районе действует неизвестная самостоятельная группа. Совершает налёты на деревни, страшит старост. На телеграфных столбах расклеивает листовки: «Бей немцев!» А сами не бьют. Судя по всему, у группы нет огнестрельного оружия. Захватили одного старосту в бане. Он в чём мать родила вырвался от них, кинулся через всю деревню к немецкой комендатуре.

Ковалёв, комиссар отряда Скурдинский и комсорг Виктор Никандров ломали головы в догадках: что это за группа?

— Народ отчаянный, — сказал Ковалёв. — Несерьёзный только. Если так будут работать и дальше — провалятся.

— Надо наладить с ними связь, — предложил Никандров.

— Верно, — согласился Скурдинский. — Поручаем, Витёк, это дело тебе...

— Неплохо бы их в наш отряд, — добавил Ковалёв. — Объединимся.

Виктору Никандрову шёл двадцатый год. Он редактировал партизанскую газету, составлял антифашистские листовки. В тот же день он отправился на поиски таинственной группы. Подпольные связные докладывали: «Были в деревне, поугадили старосту, расклеили на столбах листовки». В глаза никто партизан не видел. Одни говорили, что их пятеро, другие — десять человек. Действовала группа по утрам, когда все ещё спали. Никандров установил, что за всё время члены группы не сделали ни одного выстрела. Старосты в своих докладах начальству утверждали, что партизаны вооружены автоматами и гранатами. Но их слова на веру нельзя было принимать. Дрожая за свою шкуру, изменники вралли почём зря. Лишь бы охрану усилили.

С «группой» Никандров столкнулся вечером на берегу озера Самро. «Партизаны» сидели на плоту в камышах и ва-

рили какую-то похлёбку. Маленький костёр почти не дымил. Это были три подростка: Нина Хрусталёва, Толя Лукин и самый маленький из них — белоголовый Коля Гаврилов. Тот самый, что просился в отряд Ковалёва. На троих у ребят был один сапожный нож с чёрной ручкой и затвор от немецкого карабина. Виктор хорошо знал Колю Гаврилова, отца его, брата. Никандров работал в Столбове и часто бывал у Гавриловых дома. С Колей они осенними вечерами резались в шашки. Этот белоголовый парнишка тогда учился в третьем классе. Может быть, поэтому в представлении Никандрова Коля всё ещё был малышом. И когда зашла речь о «присоединении» самостоятельной группы к отряду, Виктор сказал, что Нину и Толю примут, а Коле придётся малость подождать.

— Подрастёшь маленько, а тогда — милости просим!

На плоту стало тихо. Слышно, как тонко звенел комар. Нина Хрусталёва и Толя Лукин смотрели на Колю. А он смотрел на закат. Солнце давно опустилось. Облака, подсвеченные снизу жёлтым, плавали в озере. Круглое лицо Коли Гаврилова побледнело, губы скривились, но он сдержался.

— Один буду драться, — тихо сказал он.

— Без Коли и мы не пойдём в отряд, — твёрдо заявила Нина.

— Вы не знаете его, — ломающимся баском сказал То-

ля Лукин. — Коля — настоящий парень.

— Он организовал нашу группу, — сказала Нина. — И название придумал: «Народные мстители».

— Мы хотели его командиром выбрать, — прибавил Толя, — да он сам отказался. Не стоит, говорит, вы старше. Мы выбрали Нину...

«Группа» влилась в партизанский отряд Ковалёва в полном составе.

5.

ЗАМОРОСИЛ мелкий дождь. Капли не сразу падали на землю. Они накапливались на листьях деревьев, потом целыми пригоршнями выплёскивались на голову. Коля Гаврилов лежал за толстой осиной. Кора на дереве потемнела от воды. Рядом за берёзой укрылся Булочка. А ещё дальше — Никандров и Нина Хрусталёва. У Булочки и Виктора — автоматы. И гранаты есть. А у Коли и Нины ничего нет. Это их первое боевое задание. В партизанском отряде такой закон: каждый добывает себе оружие сам. Толя Лукин обзавёлся немецким карабином. Он уже участвовал в двух операциях. Коля смотрит на шоссе. Дождевые капли скатываются с воротника на шею, а потом дальше, на спину. Вот уже третий час лежат они здесь и ждут, когда пройдёт штабная машина. На шоссе заложена самодельная мина. Чтобы она взорвалась, нужно дернуть за проволоку. Дергать будет Булочка...

Ухо уловило чуть слышный шум мотора. Едет! Коля прижался к стволу. Как только раздастся взрыв, он бросится к машине и отберёт у фашиста автомат. А потом... Гул мотора переместился куда-то вы-

ше. Самолёт. Высоко над лесом прошёл бомбардировщик. Коля его не видел, но вдруг подумал, что это наш, советский. И звук у самолета не прерывистый, как у «юнкерса». Точно, наш!

— Полетел фрицам дрозда давать, — прошептал Коля.

Булочка покачал головой: разговаривать нельзя...

Опять слышался шум мотора. На этот раз шла машина. Она была ещё далеко. Быстро шпарит. Коля посмотрел на шоссе и ахнул: провод отцепился от мины! Он свернулся кольцом и блестел под дождём. Булочка дёрнет за провод, а мина не взорвётся. А машина уже рокошет близко... Её ещё не видно, но вот-вот покажется из-за толстой берёзы, что стоит на изгибе шоссе. И Коля рванулся вперёд. Он слышал, как что-то крикнул Булочка, но не оглянулся. Плюхнулся на живот рядом с миной и, чувствуя затылком вибрацию мотора, стал руками разрывать землю. Так и есть, проводок соскочил с клеммы. Коля зубами отвернул гайку и быстро намотал на клемму зачищенный конец. Сердце бешено отсчитывало секунды. Сунул мину в ямку, но зарыть не успел. Из-за пёстрого берёзового ствола показался зелёный с белым радиатор. Назад бежать поздно. Коля скатился в придорожную канаву, рубаха сразу намокла и прилипла к животу. Звука мотора он уже не слышал. Краем глаза совсем рядом увидел пятнистое жёлто-зелёное крыло и крутящееся почему-то в обратную сторону колесо. Грохнул взрыв. Крыло и колесо исчезли. И когда стало до звона в ушах тихо, откуда-то с неба рядом с Колей упала треснутая пополам автомобильная фара.

— Живой? — подскочил к

нему Булочка. — Не ранен? Я думал, капут тебе...

Коля не слушал его. Он смотрел на опрокинутую набок машину с разорванным брюхом. За рулём лежал мёртвый солдат. Два офицера валялись на шоссе. Никандров рядом сидел на корточках и перебирал бумаги в полевой сумке. Нина перевернула убитого офицера на спину и сняла с него ремень с парабеллумом. Больше оружия не было. И тут Коля увидел в руках Булочки второй новенький автомат.

— Зачем тебе два? — спросил Коля, не спуская с автомата глаз.

— Это твой автомат, — сказал Булочка. И смахнув с белых Колиных волос мокрый осиновый лист, надел ему на шею трофейное оружие.

6.

ОНИ только что вернулись с боевого задания и ужинали. Стряпуха Аглая, склонив набок черноволосую голову, жалостливо смотрела на ребят.

— Подлить? — спросила она, заметив, что Толя Лукин облизывает деревянную ложку.

— Можно, — сказал Толя и взглянул на неё. — А чего это вы смотрите на меня так?

И тут подошёл Скурдинский. Присел на старый обгорелый пенёк, закурил. Глубокие морщины собрались на лбу, в уголках губ. Даже в сумерках заметно, какая у него седая голова. И глаза тоже грустные.

— Задание выполнили отлично. Хвалю... Я знаю, вы народ крепкий.

Ребята насторожились.

— Дома неладно? — спросил Коля Гаврилов.

Комиссар кивнул.

— Такое дело, сынки, немцы в отместку порешили ваших родных...

Ложка выскользнула из Колиных рук и глухо стукнулась о землю.

Луна, что висела над вершинами сосен, спряталась за облако. Облако стало чёрным. И только края его холодно сияли...

В эту ночь никто из них не заснул. У Толи Лукина расстреляли мать, а у Коли — бабушку. У Хрусталёвой пока из родных никого не тронули, но она знала, что это может случиться каждую минуту. Очень переживала Нина и за друзей. Тяжёлой эта ночь была для ребят. Коля лежал на жёстких нарах и широко раскрытыми глазами смотрел в потолок. Ему хотелось вскочить, схватить автомат и сейчас же, не медля ни минуты, мстить за бабушку.

Утром он прибежал к Ковалёву и стал проситься, чтобы немедленно дали новое задание.

— Ты третий, — сказал командир. — Лукин и Хрусталёва уже побывали у меня... Не пущу вас, хлопцы, сегодня никуда. Остыньте малость. Всё. Можешь идти.

Лукин и Коля подчинились командиру. До обеда они

остервенело чистили оружие. Ни с кем не разговаривали, ни на кого не смотрели. К ним подошёл комиссар и спросил:

— Где Нина?

Коля и Анатолий посмотрели друг на друга, разом вскочили. Бросились искать. Нины в отряде не было. Последним, кто видел её утром, был Булочка.

— Глаза шальные, — рассказывал он. — Идёт прямо на меня, а не видит. «Куда разбежалась?» — спрашиваю. Молчит.

— Остановить надо было, садовая голова! — с досадой сказал комиссар. — Не натворила бы она дел...

Нина Хрусталёва не вернулась в отряд. Она пробралась в родную деревню Сорокино. Там жила её мать. До своего дома девочка не дошла. Едва войдя в деревню, она повстречала врагов. У колодца четверо немцев поили коней. Они хохотали, брызгались водой. И лица у них были красные, довольные. Может быть, вот эти самые убили Толину мать и Колину бабушку... Нина шла и смотрела на немцев. Видно, в её глазах было столько ненависти, что немцы бросили поить коней и потребовали документы.

— Документы? — спросила Нина. — Сейчас... Вот вам мои документы...

И тут случилось непоправимое. Пистолет, который был спрятан за пазухой, провалился за платье и упал на тропинку. Нина не успела его поднять... Её три дня пытали. Тре-

уныло качались редкие зелёные колосья ржи. Над полем стригли воздух крыльями жаворонок. Им наплевать было на войну. Они беззвонно звене-

ли, как и тысячу лет назад.

— А что если заночуют в деревне? — проворчал Лукин. — До утра будем тут загораживать? — Ему надоело торчать в засаде. Хотелось поскорее разрядить автомат.

Коля не ответил. Он смотрел на пустынную просёлочную дорогу, думал о Нине. Зачем она так? Ушла, ничего не сказала. Эх, Нина, Нина, не так нужно было... Не так!

— Сидят у старосты в саду и мёд с галетами жрут. — Лукин затряс головой и чихнул.

— Тише ты! — одёрнул его Булочка. — Ишь, расчихался. А если бы фрицы рядом? Во-о чихнули бы!

«Девять патронов в пистолете, — думал Коля. — Можно было девять фашистов убить. Мало. Нужно пятьдесят. Сто. Тысячу! Девять мало».

Коля вытащил из кармана школьную смятую тетрадку и карандаш. Булочка удивлённо посмотрел на него:

7.

КОЛЯ Гаврилов, Лукин и Булочка лежали в засаде у самой деревни. Сюда утром приехал отряд мотоциклистов. Об этом сообщили связные. Солнце нещадно пекло. Даже в кустарнике было жарко и душно. Пыльные листья неподвижно висели над головой. Стоило пошевелиться — и листья начинали тихо звенеть, словно жестяные.

В дебрях овсяга и повилики синели васильки. И кое-где

— Стихи будешь сочинять?

— Заметку... В стенгазету.
Про Нину.

В этот раз партизанам пришлось ни с чем вернуться в отряд. Каратели в сумерках так и не решились выехать за околицу. Утром их перехватили на большаке. Положили всех. Оружие забрали, а мотоциклы свалили в кучу и подожгли. Чёрный дым поднялся над деревьями. Горели бензин и масло. Горело железо.

В этой схватке на лесной дороге Коля убил двух мотоциклистов.

8.

ВЕРНУЛСЯ с товарищами с очередного боевого задания Булочка. На себя не похож: хромает, на лице серая пыль, от висков по щекам к подбородку спускаются коричневые бороздки. Это пот прошиб Якова. Нелёгкое сегодня им выпало дело. Напали врасплох на небольшой вражеский гарнизон и взорвали склад с боеприпасами. Когда немцы пришли в себя, организовали погоню. Булочка и его товарищи еле ноги уволокли.

— Теперь жди в гости карателей, — сказал Ковалёв. — Нужно менять место.

— Уже летит, — кивнул на небо Булочка.

— Воздух! — сказал Ковалёв. Коля схватил железный шкворень и ударил по каске, висевшей на суку. По лесу прокатился глухой звук. Тотчас откликнулось эхо. Партизаны укрылись за деревьями. Немецкий разведчик низко прошёл над поляной. Блесну-

ли чёрные с жёлтым кресты. Самолёт, накренив крыло, скрылся за вершинами сосен.

— Пальнуть бы ему из автомата в пузо, — негромко сказал Коля. — Живо сковырнулся бы.

— Пальни! — подзадорил Булочка.

Коля посмотрел на командира и ничего не сказал. Ковалёв стоял, привалившись плечом к сосне, и о чём-то думал.

— Нечего судьбу пытаться, — сказал он. — Будем перебазираться в Лошанские горы.

Партизаны в десять минут собрали свои немудрёные пожитки. Отряд Ковалёва был небольшой. Всего восемнадцать человек. Коле досталось нести котёл, в котором Аглая варила кулеши. Партизаны гуськом двинулись через лес, вдоль болота. И вовремя. Дозорный сообщил, что рота карателей, вооружённая ручными пулемётами и миномётом, с собаками пробирается по направлению к лагерю. Шоссе блокировали бронетранспортеры. Немцы на этот раз решили во что бы то ни стало рассчитаться с партизанами.

Впереди Коли вышагивал Василь. Он был нагружён, как верблюд. На плечах покачивался огромный тюк. Сверху к тюку был привязан маленький медный самовар. Этот самовар прошёл с партизанами сотни километров. Его берегли. Он напоминал о родном доме, о мирной жизни. Когда возвращались с боевого задания, Аглая вздувала самовар

и поила усталых людей кипятком, заваренным какой-то пахучей травой.

Мягкий мох под ногами пружинил. Берёзы и осины стояли во мху тихие, насторожённые. С болота доносились крики птиц. Трясина, будто живая, дышала, кряхтела, зевала. Шли молча, без привалов. Котёл, который сначала показал-

ся лёгким, с каждым километром становился тяжелее. Коля ворочал лопатками, подбрасывал его выше, но ничто не помогало. Коля даже подумал, не положил ли Булочка шутки ради чего-нибудь в котёл? Кусты цеплялись за ноги, колючие еловые ветви так и норовили сунуться в глаза. Автомат тянул шею вниз. Тюк

на спине Василя стал крутиться, как патефонная пластинка, а самоваров стало четыре. Коле захотелось бухнуться головой вперёд в мох и лежать. Пахнет так, что голова кружится и поташнивает. Деревья запрокинулись, мох заткнул нос, глаза...

— Хмель это, — услышал вдруг Коля. Он открыл глаза и увидел над собой лица партизан. Лица были неясные, расплывчатые.

— Нагрузили парня, — откуда-то издалека донёсся басыстый голос Василя. — Один котёл полпуда потянет.

Коля помотал головой, сморщился и чихнул. Как это случилось? Упал в мох и даже не заметил.

— Давай котёл, — сказал Булочка. — Полегче будет.

Коля встал. Голова перестала кружиться.

— Я сам, — упрямо сказал он. И, подбросив котёл повыше, зашагал за длинным Василём.

9.

ОТ Старополья до Рудницы три километра. Если забраться на старопольскую часовню, то в бинокль можно разглядеть глиняные горшки, надетые на жерди забора. Василь, Булочка и Коля Гаврилов выяснили, что в Старополье стоит полицейский отряд, тот самый, который преследовал их. А что делается в Руднице, они не знали. А приказ командира — разведать обстановку в близлежащих деревнях. Готовилась очередная операция.

— Кто её знает... как там в Руднице? — сказал Булочка. Он был в группе за старшего.

— Схожу? — предложил Коля. — Меня там не знают.

Булочка задумался. На Колю можно положиться, но мало ли что?.. Парень горячий, увидит немцев — сорвётся с постромок, чего доброго, как Нина... А потом нужно подпольщице пакет передать с листовками. Коля подпольщицу не знал.

— Все вместе пойдём, — решил Булочка, — через лес.

В лесу было тихо. С деревьев срывались жёлтые листья и падали на землю. Над головой потемнело небо. Коля поплотнее запахнул на груди пальтишко, подпоясанное брезентовым ремнём. Осень пришла. Холодная, дождливая. Несколько дней назад партизаны (с ними был и Коля) спилили двенадцать столбов. Связь Старопольской комендатуры с Осьмином была прервана. Столбы всё ещё валялись вдоль дороги.

Вот и Рудница. Тёмные молчаливые избы нахохлились под соломенными крышами. На улице ни души. Партизаны остановились под берёзой.

— Вроде никого, — сказал Булочка, внимательно осматривая дома.

— Кто знает, — пожал плечами Василь. — К старосте Романову надо наведаться... Эта сволочь давно пулю заработала.

У третьей от края избы остановились. Булочка подошёл к окну, спрятавшемуся в гуще

сиреневых кустов, постучал пальцем.

В сенях хлопнула дверь, и на крыльце показалась женщина.

Яков вытащил из-за пазухи свёрток, передал ей.

— Немцы есть? — спросил он.

— Не слышно, — сказала подпольщица.

Она ушла. Партизаны дворами двинулись к большому дому старосты. Окна занавешаны. Василь нащупал в кармане гранату, сказал:

— Гостинец ему... в форточку.

— Лёгкая смерть, — тихо сказал Булочка. — Пусть знает, от чьей руки сдохнет.

Они обошли дом кругом. В хлеву завозился, закричал боров. Негромко мыкнула корова. Василь поднялся на крыльцо, постучал рукояткой парабеллума в дверь. Староста даже не спросил, кто стучит, сразу отворил. Увидев партизан, широко ухмыльнулся:

— Лесные гости... Заходите, молочком угощу.

Василь не успел наставить пистолет. Староста отпрыгнул в сторону, а из тёмных сеней хлестнула автоматная очередь. Василь выронил парабеллум, схватился за грудь и, скрипнув зубами, рухнул на ступеньки. Булочка и Коля отскочили от двери.

— Беги, Коля! — сказал Булочка. Он неловко левой рукой достал из кармана пистолет и выпустил несколько пуль в тёмный провал сеней. Там что-

то загремело, покатилося по полу. Только тут Коля заметил, что правая рука Булочки висит вдоль тела, а по пальцам стекает кровь.

— Скажи Ковалёву... — Булочка не договорил. Раздалась вторая автоматная очередь, и он упал.

— Яша... Булочка! — крикнул Коля. Яков молчал. Коля выхватил гранату и на животе пополз к крыльцу. Застучали автоматы, пули ложились где-то за ногами. Коля приподнялся и швырнул гранату в сени. Грохнуло. Из сеней повалил дым, автоматы умолкли.

— Гады-ы! — крикнул Коля, вскакивая на ноги. — Получайте!

Вторая граната полетела в сени. Третью он взял у мертвого Василя. Обежал вокруг дома и швырнул гранату в окно. Из другого окна выскочили три немца. Они, прыгая через огородные грядки, бежали к Коле. А у него больше гранат не было. Был пистолет. Коля мог убежать, до соснового бора рукой подать, но в пистолете были патроны. Восемь пуль. Немцы не стреляли. Они хотели схватить Колю живым. А он, медленно отступая к лесу, стрелял в них из пистолета. Один фашист упал. Остальные два залегли в грядках и открыли огонь...

10.

ШУМЯТ сосны. И днём и ночью. Они не спят. Говорят, что деревья умеют хранить тайны. И только ветренными ночами они тихо расска-

зывают друг другу про то, что видели за свою долгую молчаливую жизнь. Под их сенью укрывались партизаны, об их шершавые стволы чесали могучие бока лоси. Шумят сосны. Как далёкую легенду передают они быть о последнем жестоком бое пионера Коли Гаврилова.

Шумят сосны. Свежий ветер раскачивает их ветви. Ветер

приносит сюда новости со всех концов земли. Сосны слушают и мудро кивают головами. Они не остались в долгу и тоже рассказали ветру быть о белоголовом мальчике, с сердцем мужественным и храбрым, честным и благородным. И ветер подхватил эту быть и понёс над полями, лесами, реками.

Пусть эту быть узнают все.

И ты будешь счастлив, мальчик!

(К ФОТООЧЕРКУ НА 2-й СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ)

ВСЕ ярче разгорается борьба народов Латинской Америки против капиталистов США, которые прибрали к рукам богатства южноамериканских стран и попирают их свободу.

Сердца южноамериканских ребят полны ненависти к капиталистам-янки.

Вот какую встречу подготовили ребята венесуэльской столицы Каракасы президенту США Кеннеди, посетившему Венесуэлу в декабре месяце прошлого года. Учащиеся лицея «Андрес Бельо» построили баррикаду и вывесили лозунг: «По этой улице Кеннеди не проедет». Полиция обстреляла баррикаду. При её защите пал шестнадцатилетний школьник Густаво Визельма...

В городах Латинской Америки многим детям самим приходится зарабатывать на хлеб. Мальчишки на побегушках при магазинах, разносчики газет — эта нелёгкая работа приходится на долю детей, родители которых безработные или получают очень мало.

У бразильских ребят есть ещё одна профессия — смотрителей за автомобилями. Пока владелец машины занят в конторе или развлекается в ресторане, маленький сторож за грошовую плату охраняет его автомобиль или мотороллер.

На снимке вы видите мальчугана — смотрителя за машинами на улице города Сан-Паулу.

Мы не знаем, как тебя зовут, маленький бразильский друг.

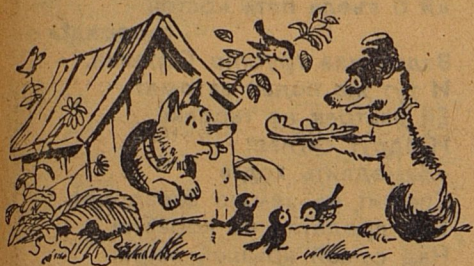
Твоя страна недавно установила дипломатические отношения с Советским Союзом. И этот шаг приветствовали все советские люди. Мы понимаем, это произошло потому, что в Бразилии выросли и стали сильнее ряды сторонников мира и дружбы между народами. И мы верим, что настанет время, и твой народ завоеует для тебя и твоих сверстников счастье. Ты сможешь учиться в школе, как дети героической Кубы, над которой пронёсся революционный ветер освобождения. Вот они, на фотоснимке, маленькие кубинцы, учащиеся сельского школьного центра «Камило Сиенфуэгос», сидят за партами и решают задачи. Ведь сам Фидель Кастро призвал их учиться, овладевать знаниями! И ребята стараются.

Придёт день, наш южноамериканский друг, когда тебе не придётся носиться по городу в поисках куска хлеба. Ты сможешь играть, петь, веселиться, познаешь радости детства. Радости, которыми пользуются ребята, живущие в странах социализма.

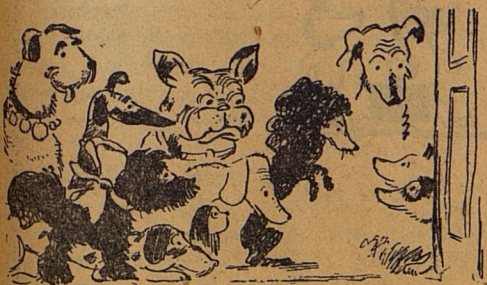
На снимках: лейпцигские ребята (ГДР) Сабина, Марики и Клаус с увлечением мастерят ёлочные украшения к новомуднему празднику; в Пекинском Доме пионеров большая группа школьников занимается в оркестре народных инструментов; в чехословацком городе Кошице есть немало книжных магазинов. Эдко Сланина выбрал себе самую интересную книжку!

Белка и Стрелка

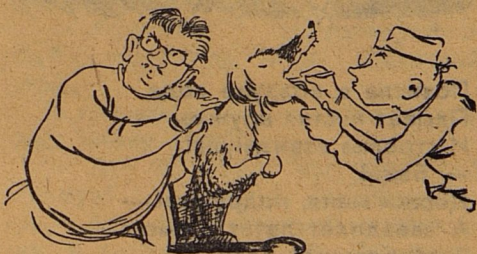
В простой дощатой конуре
Жила собака Белка.
А рядом с нею во дворе
Жила собака Стрелка.
Они дружили с давних пор,
Делили даже кости.
Им не мешал большой забор
Ходить друг к другу в гости.
Издалека дворняжки
Похожи, как двойняшки.

Сказала Белка как-то раз
Подружке на рассвете:
— Собака в небо поднялась...
— На чём же?
— На ракете!
Открыла Стрелка робко пасть:
— А нам нельзя туда попасть?
— Хотят в ракету многие:
И таксы кривоногие,
Боксёр с квадратной мордой,
Кудрявый пудель гордый,
Овчарки, шпицы, гончие
И все собаки прочие.
А нас с тобою не возьмут,
Ведь мы с тобой дворняжки.
Скулили несколько минут,
Расстроились бедняжки.

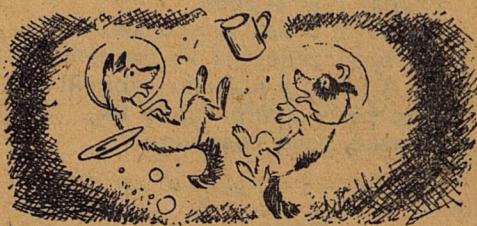
Но двух подружек со двора,
Как видно, не забыли.
Их медицинская сестра
Везёт в автомобиле.
В приёмной очень много псов —
И маленьких, и рослых,
С усами, вовсе без усов,
С хвостами и бесхвостых.
Глядят они сурово
На двух собак дворовых.
Но врач зовёт их из дверей:
— А ну-ка в кабинет скорей!
Смотрели долго горло им,
Прижав язык совочком.

Бока выстукивали им
Блестящим молоточком.
А после целых два часа
О чём-то совещались.
И тридцать три притихших пса
За дверью волновались.
Не подошёл к полёту дог —
Он слишком, говорят, высок.
Шпиц белоснежный — не дорос,
А пудель — слишком нервный
пёс.

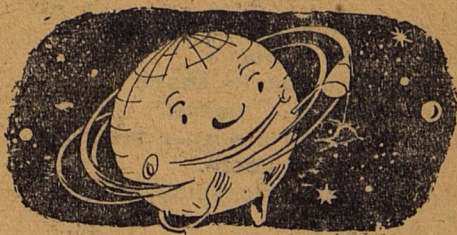
Не подошли и гончие
И все собаки прочие...
А двум подружкам со двора
Не страшен холод и жара.
Они хотя обычные,
Но ко всему привычные.
И объявили им с утра:
— Теперь на космодром пора.

Стоит огромный звездолёт
Космического флота.
Его построил наш народ
Для нового полёта.
Два пассажира входят в дверь.
Пора! Прощаться надо.
Назад не выпрыгнешь теперь,
Хотя и страшновато.
Огонь и дым,
Толчок — пошла!
Летит ракета, как стрела.
И два простых дворовых пса
Летят вдвоём на небеса.
Вдруг стали вес они терять,
Вдруг стали как пушинки.
Им на ногах не устоять.
Они плывут на спинке.

Повисла в воздухе вода.
Плывёт пустая кружка.
И стрелка взвизгнула:
— Беда!
Держи меня, подружка! —
А звездолёт летит давно
В заоблачные дали.
Лучами звёздочки в окно
Тихонько постучали.
Прижавшись к тёмному окну
Холодными носами,

Собаки встретили Луну
И удивились сами:
— Гав-гав, Луна!
— Тяф-тяф, Луна!
Ты очень хорошо видна!

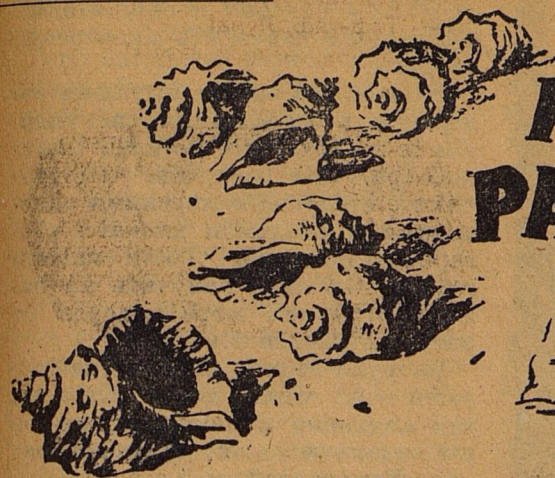

«Я б съела пять костей
подряд!» —

Вдохнула грустно Стрелка.
И тут же подал автомат
Ей завтрак на тарелке.
И вдруг сигнал:
«Замедлить ход!»
Спешит на землю звездолёт.
Так, пролетев на корабле
Над самой крышей мира,
Вновь очутились на земле
Два храбрых пассажира.
Теперь вокруг родной земли
Летают люди смело.
Уводят в космос корабли
И держат руль умело.
И не один ещё герой
Достигнет звёзд высоких.
Но вспоминаем мы порой
Друзей четвероногих.

Рисунки Г. Ясинского

МОРСКИЕ РАКОВИНЫ

ВЕРА Удальнова — звеневая из седьмого класса — была самой бойкой во всей школе. И звено у неё было горластое и ершистое, особенно девчонки. Чуть что — мигом сбегались, и тогда обидчику приходилось несладко.

Звено Веры входило в состав добровольной дружины. Пионерский патруль каждый день до наступления темноты прогуливался по городу и следил, чтобы не топтали газоны, не рвали цветы, не мусорили на пляже.

Однажды девочки заметили маленького спекулянта морскими раковинками.

— Прямо со дна моря! — громко зазывал он покупателей. — Побольше — рубль, поменьше — полтинник! Свеженькие! С морским прибором! Так и гудят!

Звено Веры окружило продавца.

— Из какой школы? — сурово спросила Удальнова. — Пионер?

Мальчишка увидел вместо любопытных глаз приезжих сердитые глаза местных девчонок. Руки у него дрогнули, раковины посыпались из холщового мешка.

— Где живёшь? — продолжала допрашивать Вера, но голос её заметно потеплел. Пожалев растерявшегося мальчишку, она наклонилась и стала собирать упавшие раковины. Мальчишка воспользо-

вался удобным моментом. Он подпрыгнул, как козёл, и помчался вверх по улице, звонко шлёпая босыми ногами по асфальту. Бежал он так быстро, что ни одна из девочек не попыталась его догнать.

— Упустили правонарушителя? — услышала Вера знакомый голос.

К пионерскому патрулю подходил Верин отец.

— Кто же знал, что он такой скакун! — с досадой ответила Вера. — Ему физкультурой заниматься, а не спекуляцией!.. Всё равно мы его не сегодня, так завтра поймем!

— А других ловите? — спросил отец. — Взрослых, например?

— Со взрослыми труднее, — ответила Инга Внукова. — Мы, как увидим их, так милиционера зовём. Но милиция какая-то вежливая пошла. Дали бы нам власть, мы бы мигом навели порядок!

Верин отец заговорщически прищурился, склонил голову, обнял девочек за плечи и сказал:

— Хотите, я дам вам один совет и помогу навести порядок?

Девочки переглянулись и выжидательно уставились на Удальнова.

— Я достану вам акваланг, научу пользоваться им и покажу, где в море много раковин. Вы их будете раздавать приезжим бес-

платно. Вот и кончится спекуляция: никто не выдержит такой конкуренции!

Девочки запрыгали от радости.

В ВОСКРЕСНОЕ утро из школы с чемоданчиками в руках вышли пионеры. Можно было подумать, что они собрались на прогулку — куда-нибудь на озеро Ричу или на гору Ахун. Но пионеры, выйдя за школьную ограду, разошлись в разные стороны. Одни направились к базару, другие

на пляж, третьи к дендрарию. Вскоре в излюбленных местах продавцов раковин и самшитовых безделушек появились пионерские патрули.

На этот раз они не пытались задерживать малолетних спекулянтов и не звали на помощь милиционера. Они раскрыли чемоданчики с отборными морскими раковинами и вывесили плакат: «Товарищи приезжие! Гости нашего города! Спешите получить на память о Чёрном море подарок от местных пионеров!»

Патрули вышли рано, когда торгаши ещё были дома. Всякому, кто подходил к чемодану, пионеры задавали только один вопрос: — Вы откуда?

Им называли самые разные города и области страны. После этого патрульный вежливо предлагал:

— Выбирайте любую и передавайте привет пионерам вашего города!

Запас раковин быстро истощался, но их всё-таки хватило до прихода торгашей. Удивлённые, они смотрели на плакат, на пионеров, на раковины и уходили. Одним становилось неловко раскладывать свой товар, а другие решили перестать: не каждый же день будет повторяться такое безобразие!..

Вера Удальнова с Ингой Внуковой раздавали раковины на углу той улицы, где от них убежал маленький спекулянт. Они уже давно не вспоминали о нём. Но мальчишка сам напомнил о себе. Вера ещё издали заметила его хитрое лицо и подтолкнула подругу:

— Ну уж сегодня я его не упущу! Если придётся бежать за ним — побегу, а ты оставайся с чемоданом!

Мальчишка, ничего не подозревая, приближался к перекрёстку, беззаботно помахивая мешочком. Прочитав плакат, он не сразу понял, что это такое. Зато раковины в чемодане неприятно поразили его. Обычно перекрёсток никем другим не занимался. Это было

его владение. Кто посмел нарушить обычай? Мальчишка посмотрел на непрошенных конкурентов, узнал их и мигом повернул назад.

Вера бросилась догонять его. Услышав, что за ним гонятся, мальчишка прибавил скорости, свернул с тротуара на мостовую, проскочил под носом у такси и скрылся в аллее. Длинная вереница машин отрезала Веру от мальчишки. А когда улица освободилась, маленький торгош был где-то в конце аллеи.

«Сейчас обернётся!» — подумала Вера и спряталась за стволом магнолии. Беглец остановился, кинул быстрый взгляд назад и вошёл в калитку.

Вера внутренне посмеялась над наивным мальчишкой и направилась к той же калитке. Она оказалась запертой. Большая серая овчарка, лежавшая по ту сторону железной ограды, недружелюбно уставилась на девочку. Собака не лаяла, не скалила зубы. Она внимательно наблюдала. Когда Вера постучала в калитку, чтобы вызвать кого-нибудь из дома, овчарка прыгнула на высокое крыльцо и пропала за полуоткрытой дверью. Через минуту собака вновь показалась на крыльце. За ней вышла молодая красивая женщина с кистью в руке.

— Ты ко мне, девочка? — спросила она глубоким грудным голосом.

— К вам, — ответила Вера и добавила: — Может быть, и не к вам. Я пока не знаю... Мне нужно поговорить с мамой того мальчика, который только что вошёл сюда. Это вы?

— Ты ошиблась, девочка, — возразила женщина. — Сейчас сюда никто не входил. Я с утра сижу за картиной — никуда не отходила от мольберта. У меня есть сын, но он болен — простудился, третий день не гуляет. Больше никого в доме нет. Ты что-то путаешь.

— Простите, пожалуйста! — сказала Вера. — Наверно, я недоглядела. А вы не знаете, нет ли в соседних домах мальчика с холщо-

вым мешочком для раковин? Он их часто продаёт. Бегаёт босиком... И быстро бегаёт — не догонишь!

— Не знаю, как тебе и помочь!.. — Женщина улыбнулась. — Мальчиков с морскими раковинами я встречала много раз. Да и мой Николашка часто возится то с крабами, то с морскими раковинками. Ну а насчет того, что босиком, то ведь летом это не редкость!..

Вера отошла от калитки совершенно сбита с толку.

ПОЗДНО вечером, закончив неотложные дела, майор Драгин вспомнил о донесении одного из постов наружного наблюдения. Это донесение поступило в середине дня и заставило скупого на улыбку Драгина громко рассмеяться. Он и сейчас улыбнулся, достал из сейфа рассмешившее его донесение, перечитал скучные строки и приказал вызвать своего помощника старшего лейтенанта Петра Удальнова.

Пётр Захарович уже собирался домой. Там его должны были ждать приятные новости. «Как-то прошёл у Веры этот день?» — думал Пётр Захарович. Он знал обо всех приготовлениях и даже помогал пионерам составить текст плаката, наметить пункты для раздачи раковин. «Будет сегодня рассказов!»

Неожиданный вызов к начальнику заставил Петра Захаровича отложить мысли о доме. Старший лейтенант подтянулся и прошёл в кабинет майора.

Драгин встретил его вопросом:

— Помнишь, на днях мы приняли решение: снять наружное наблюдение с одного объекта?

— Помню.

— Долго наблюдали — ничего. Нынче был последний день. И что ты думаешь? Как раз сегодня пост засек интересного визитёра!

Пётр Захарович привстал. Голубые глаза его потемнели и сузились.

К этому объекту — маленькому одноэтажному домику, а вернее, к

его хозяйке — молодой милостивой женщине тянулась тоненькая ниточка подозрения, возникшего три года назад.

Дело о трагической гибели пограничника Семёнова и о самоубийстве шпиона вёл Пётр Захарович. Сведения достались ему скудные.

Друг Петра Захаровича — пограничник Семёнов был в отпуске. В день своей гибели он с утра ушёл на рыбалку. Дальнейшие события Пётр Захарович восстановил со слов очевидцев.

Вероятно, Семёнов каким-то образом опознал шпиона и пошёл за ним по пляжу. Трагедия разыгралась после того, как в группе местных мальчишек, загоравших у самой воды, раздался восторженный возглас:

— Пограничник идёт!

Шпион обернулся и выстрелил в Семёнова. Пограничник бросился на него. Произошла короткая схватка. Шпион выстрелил ещё раз. Семёнов упал. Убийцу обезоружили отдыхавшие на пляже мужчины. Они же рассказали, что пограничник перед смертью произнёс две фразы: «Он с моря... Ищите женщину...»

Пока перевязывали Семёнова, шпион сумел принять яд.

Вот и все факты, которыми располагал Пётр Захарович. После долгого кропотливого труда он всё-таки нащупал одну ниточку. Она была очень непрочной. Такая ниточка не могла дать простора для активных действий. Пришлось ограничиться пассивным наблюдением в надежде получить новые данные. Тщательное наблюдение в течение длительного периода ничего не дало.

Женщина из маленького одноэтажного домика жила на пенсию, которую получала за мужа, погибшего в боях под Берлином. Был у неё и дополнительный заработок. Местная артель, выпускавшая цветные скатерти и покрывала, давала ей заказы на образцы рисунков.

Сразу после войны женщина

усыновила безродного мальчонку. Он и сейчас жил с ней. Пётр Захарович знал о том, что этот мальчонка торгует раковинками. Больше ничего предосудительного ни за ним, ни за женщиной не было замечено. Наружное наблюдение решили снять. И вдруг — в последний день — интересный визитёр!

Вот почему привстал Пётр Захарович и глаза у него потемнели.

— Очень интересный визитёр! — повторил Драгин. — Его, конечно, не упустили. И вот что выяснилось: побывав на нашем объекте, визитёр подошёл к мороженщику, купил два эскимо. Затем на углу соседней улицы он встретился с помощником, вручил ему одно эскимо, второе съел сам. Тут же, на углу, открылась настоящая явочная квартира: к ним подходили и подходили разные люди, обменивались шутками, благодарили их за что-то. Ну, а в конце концов этот визитёр заявился... Куда ты думаешь?

Пётр Захарович смотрел на Драгина недоуменными глазами.

— В твой дом! — закончил майор. — И оказался этот визитёр...

— Верка? — спросил Пётр Захарович.

— Она самая! Твоя бой-девка!

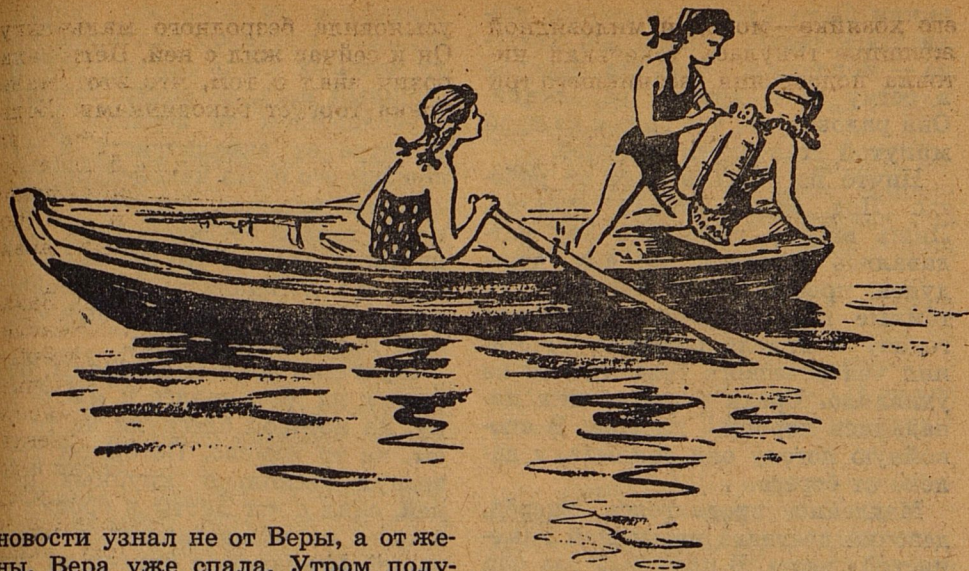
Оба рассмеялись.

— Это я тебе в порядке шутки рассказал — на ночь, чтобы лучше спалось, — пояснил Драгин. — Наружное наблюдение, несмотря на новые данные, сняли. А ты всё-таки ради любопытства поинтересуйся у своей дочери, что её туда привело...

— Знаю, что её привело. Мальчишка! Однажды этого спекулянтишку заметили, но он убежал. А сейчас, наверно, второй раз попался.

— А ты всё-таки проверь, — сказал Драгин и попрощался с Петром Захаровичем. Но тут зазвонил телефон: Москва просила дать справку по срочному делу. Пришлось обоим задержаться.

Пётр Захарович пришёл домой совсем поздно и все пионерские

новости узнал не от Веры, а от же-
ны. Вера уже спала. Утром полу-
чилось наоборот. Пётр Захарович
ещё не встал, а за Верой забежала
Инга. Они забрали акваланг и по-
шли к морю: надо было попол-
нить запас раковин.

Добыча раковин в звене Веры
была поставлена на широкую но-
гу. Работали в три смены по три
человека. Двое сидели в лодке,
третий опускался на дно. Такая
работа никому не надоедала. Дру-
гие звенья настойчиво добивались,
чтобы их включили в трудовой
график. Но Вера была неумолима.
Аквалангом пользовалось только
её звено.

В первую смену кроме Веры и
Инги работала Рая Клёнова. Лод-
ка её отца служила звену экспеди-
ционным кораблём. Когда Инга
с Верой прибежали к морю, лодка
уже стояла у берега, а Рая в ку-
пальном костюме лежала рядом и
от нечего делать смотрела на са-
моходную баржу, медленно выра-
ставшую на горизонте.

— Как вода? — крикнула Вера.

— Теплынь! Двадцать четыре
градуса! — ответила Рая. — И про-
зрачная, как стёклышко! Поехали
быстрее! Нам сегодня сто штук
норма.

БОЛЬШЕ всего раковин было
метрах в трёхстах от купаль-
ни, принадлежащей санаторию.

Здесь на восьмиметровой глубине
раскинулось настоящее царство
моллюсков. Они густо расселились
на сравнительно небольшом участ-
ке морского дна. Чтобы попасть на
это место, надо было плыть по
прямой так, чтобы нос лодки смот-
рел на маяк, а корма — на тёмную
горловину железнодорожного тоннеля.
Двигаясь этим курсом, лод-
ка достигала точки, с которой от-
крывался чудесный вид на ледя-
ную шапку одной из горных вер-
шин. Тут и нужно было искать
раковины.

Рая не сбилась с курса. Как
только справа из-за зелёных отро-
гов гор показалась узкая белая по-
лоска ледяной шапки, она остано-
вила лодку. Подруги помогли Ве-
ре застегнуть ремни баллонов, по-
дали сетку, с которой обычно хо-
дят в магазин за продуктами.

На дне Веру окружил удиви-
тельный подводный мир. В приз-
рачном свете дремали водоросли.
Лениво перебирал угловатыми ла-
пами краб, засевший между двумя
камнями. Вяло двигали жабрами
какие-то рыбёшки, неподвижно
повисшие в воде.

Вера собирала раковины, как со-
бирают грибы в лесу. Только она
не шла, а плыла, раздвигая скольз-
кие космы водорослей. Одни рако-

винки были пустые, в других жили мягкотелые безвольные хозяева — моллюски. Девочка бросала в сетку те и другие раковинки. Она радовалась, что груз с каждой минутой становится тяжелее.

Ничто не отвлекало её от работы. Под водой стояла тишина. Лишь вверху несколько раз раздавались всплески. По дну, чередуясь, пробегали то светлые, то тёмные полосы. Вера поднимала голову и видела смутные очертания человеческого тела. Это её не удивляло. Среди отдыхающих попадались хорошие пловцы. В спокойную погоду они заплывали далеко от берега.

Медленно продвигаясь вперёд, девочка достигла невысокой каменной гряды. В прошлый раз она собрала тут очень много раковин. Казалось, что моллюски задумали переселиться поглубже в море, поползли по дну, наткнулись на гряду, не смогли перебраться через неё и остались лежать около камней.

Но сегодня раковинки попадались реже. Вера поплыла вдоль гряды, а потом решила заглянуть по ту сторону каменистого вала и легонько оттолкнулась от дна ногой.

Когда её глаза очутились на уровне верхнего камня, она увидела своё отражение: та же маска, те же баллоны за спиной, такие же зелёные ласты на ногах.

На самом деле за грядой плыл другой аквалангист, и девочка через мгновение поняла это. Она ухватилась за камни и притаилась, сдерживая дыхание.

Вера не смогла бы объяснить, что заставило её спрятаться. Просто встреча с человеком под водой не так обычна, как встреча на улице.

Прильнув к скользким камням, Вера несколько минут наблюдала за незнакомцем. Он плыл размеренно и экономно, не торопясь, но и не мешкая. Девочку он не видел. А Вера успела его рассмотреть. Это был мускулистый мужчина с волосатой грудью. Его акваланг

отличался от Вериного аппарата большим размером баллонов, между которых вдоль спины проходил длинный металлический стержень с утолщением на верхнем конце. В метре от аквалангиста и чуть повыше его плыл какой-то круглый тёмный предмет, привязанный к поясу тонкой бечёвкой. Вера долго не могла понять, что это такое. Потом она догадалась: за пловцом тянулся на привязи обыкновенный волейбольный мяч.

Мужчина доплыл до гряды, опустился на дно, поднёс к маске руку, на которой блеснули не то часы, не то компас. Потом он перевернул несколько крупных камней, снял с ног ласты и бросил их в одно из образовавшихся углублений. Незнакомец присел на корточки, отстегнул ремни и, не отвинчивая воздушный шланг, скинул туда же баллоны с металлическим стержнем.

Вера удивилась: что за странный аквалангист, что он собирается делать? Но прежде чем она нашла ответ на свои вопросы, незнакомец сдёрнул с лица маску, положил её на баллоны, ловким движением накрыл всё это парой плоских камней и стремительно поплыл вверх...

ТРУДНОЕ это дело — ждать. Но девочкам, оставшимся в лодке, скучать не пришлось. Сначала они разговаривали о Вере, о самоходной барже, медленно подходившей к причалу, а потом их внимание привлекла какая-то художница. Её лодка проплыла мимо. На носу был укреплён широкий подрамник. На специальной скамейке лежал набор разноцветных тюбиков с красками. Холстина, натянута на подрамник с одной стороны, белела, как парус. С другой на ней проступали контуры знакомого горного пейзажа с ледяной шапкой.

Женщина внимательно осмотрела девочек, улыбнулась им и, оставив лодку метрах в пятидесяти, пересела поближе к холсту и взялась за кисть. Её движения были

красивы и артистичны. Сделав мазок-другой, она откидывала голову назад, отводила руку с кистью в сторону и подолгу вглядывалась в полотно.

Девочки не спускали с неё восторженных глаз.

А пляж и купальни постепенно наполнялись народом. Море ожило. То здесь, то там над водой показывались плечи и головы купающихся. Мимо лодок стали проплывать люди. На девочек смотрели мало. Зато к лодке художницы сворачивал почти каждый пловец: не часто картины пишутся в море!

Рядом с лодкой девочек проплыл какой-то ватерполист. Он и здесь не расставался с мячом. Плыя кролем, он с профессиональной ловкостью подталкивал перед собой мяч. Поравнявшись с лодкой художницы, ватерполист ухватился рукой за борт. Женщина обернулась, что-то сказала. Мяч полетел в лодку. А мужчина подтянулся на руках и одним махом выпрыгнул из воды на корму.

Несколько минут ватерполист и художница сидели рядом и любо-

вались картиной. Потом мужчина взялся за вёсла, и лодка стала удаляться.

— Помешал он ей! — недовольно сказала Рая.

Но Инга не успела ответить. Вода забурлила, и около лодки всплыла Вера. Её подхватили под руки и вместе с полупустой сеткой перетащили через борт.

— Мало сегодня? Да? — участливо спросила Рая, определяя на глаз, сколько в сетке раковин.

Вера сдёрнула маску. Подруги разом ахнули. Лицо Веры поразило их.

— Девочки! — сказала она. — Шпион... А я — шляпа! Я его упустила. Не догадалась вовремя... Теперь он ушёл... Уплыл... И мяч у него, а там — бомба!

— Мяч? — переспросила Инга.

— Волейбольный...

Рая нежно обхватила Веру за голову, прижала к себе и ласково, как больной, сказала:

— Успокойся, Верочка! Ты просто устала! А человека с мячом мы видели. Он, наверно, муж художницы. Во-о-он они плывут! Видишь, картина там белеет на носу?

— Художница? — переспросила Вера и долго смотрела вслед удаляющейся лодке.

ПЁТР Захарович два раза звонил домой — спрашивал у жены, вернулась ли Вера.

— Как придёт — обязательно пусть позвонит, — попросил он.

Его почему-то тревожил этот пустяк: он не поговорил вчера с Верой, не узнал, зачем она ходила в маленький домик, продолжительное время бывший под наблюдением.

Телефон долго молчал. Наконец он звякнул. Пётр Захарович поспешно снял трубку, ожидая услышать Верин голос. Но звонила другая девочка.

— Пётр Захарович! Это Рая... Я по поручению Веры. Она просила вам передать, что находится около мороженого у дендрария. У нас тут подозрение маленькое есть. Может быть, вы приедете? Только потом не ругайте нас, если... попустому!

— Да! Сейчас! — ответил Пётр Захарович, и вдруг ему стало не по себе.

Он созвонился по внутреннему телефону с майором Драгиным, вызвал трёх сотрудников, и служебная машина помчалась к дендрарию.

Около кафе, в котором летом торговали мороженым, стояла Рая.

— Пётр Захарович, они ушли, — сообщила она. — Было их двое: мужчина и женщина. Мужчина приплыл в акваланге, а женщина — художница. Она поджидала его в лодке. Вера её узнала! Она вам адрес её написала. Вот он!

Пётр Захарович взглянул на мятую бумажку — это был давно знакомый ему адрес.

— Они пошли по той улице, — продолжала рассказывать Рая. — Вера — за ними. Инга побежала позвонить вам ещё раз. А я ждала, когда вы приедете...

МУЖЧИНА и женщина, как старые и добрые знакомые, спокойно шли по улице. Мужчина нёс подрамник с незаконченной картиной, а женщина беззаботно

помахивала мячом, из которого воздух был уже выпущен.

Судя по оживлённому счастливому лицу женщины, мужчина говорил ей что-то очень приятное. Но это была маскировка, рассчитанная на прохожих.

— Прошу вас помнить, что провал Смита не снят с вашей советности, — говорил мужчина. — Если со мной случится что-нибудь подобное, вас вычеркнут из списков. А что происходит с теми, кого Бэн вычёркивает из списка, вы знаете.

— Беспокоиться вам нечего, — ответила женщина.

— Надеюсь, — сказал мужчина. — После того провала прошло три года. Молодчина Смит — чистый вышел из игры! Думаю, вы сумели оценить его самоубийство и правильно использовали время. Три года мы вас не беспокоили. Вам повезло! В вашей стране такой длительный отпуск — фантазия...

Они помолчали. Мужчина галантно помог женщине сойти с тротуара на перекрёсток, с той же изысканной вежливостью поддержал её за локоть, когда она ступила на тротуар на другой стороне улицы.

— Значит, у вас никаких опасений? — спросил он. — Не было никаких подозрительных вопросов, никаких странных визитов?

— Если быть придирчивой, то... — женщина запнулась. — Но это, право же, смешно! На днях приходила девочка. Вернее, вчера... Она, видите ли, из так называемого пионерского патруля. За метила, что Николашка торгует раковинами, и решила поговорить с его мамой. Детские глупости! Они не опасны, но с Николашкой придётся быть поосторожнее.

Мужчина до боли сжал руку женщине:

— Об этом надо было предупредить сразу же! То, что для вашего ума кажется детскими глупостями, может оказаться роковым!

Они свернули за угол и остановились.

— Сейчас я вам покажу её. У-

найте и заговорите. Об остальном позабочусь я. Кстати, вы, проницательная женщина, девочка идёт за нами от самого берега. После всего этого я не удивлюсь, если у вас в подвале окажется целый взвод пограничников.

Они пошли обратно и на углу столкнулись с Верой. Мужчина почувствовал, как дрогнула рука женщины. Но его сейчас больше интересовала девочка.

Вера смутилась, но не настолько, чтобы это было подозрительным. Первое волнение, вызванное страшной догадкой, успело улечься в ней. Она довольно спокойно шла за мужчиной и женщиной и на всякий случай приготовила несколько невинных вопросов всё о том же маленьком торгаше. Когда пара завернула за угол, Вера ускорила шаги, чтобы не потерять их из виду, и... попала на примитивную уловку. Её смущение было естественным, потому что она чуть не наступила женщине на ногу.

— Ой, простите, пожалуйста! — сконфуженно произнесла она. — Я за вами иду от самого моря. Но подойти было неловко — вы разговаривали... Хочу спросить — вы не встретили этого мальчика?

— Какая ты упорная, — приветливо отетила женщина.

— Пионеры и должны быть такими! — вмешался мужчина. — Только ты, милая девочка, делаешь одну ошибку. Когда нужно разыскать кого-нибудь, обращаться надо к мужчинам: они более наблюдательны — видят сквозь землю. Я знаю, чего ты хочешь и кого ищешь.

Вера посмотрела на него невинными глазами и спросила:

— Вам уже рассказывали?

— Да, рассказывали...

Наступило молчание. У мужчины сложилось впечатление, что опасности нет. Поведение Веры и её ответы несколько уменьшили его страх, возникший ещё в кафе, когда он увидел у входа ту же самую девочку, которую приметил на берегу моря. Но осторожность

требовала более тщательной проверки. Он колебался.

— Вот что! — произнёс, наконец, мужчина. — Пойдём с нами. Ты мне расскажешь всё подробно, и я постараюсь помочь тебе.

И они пошли. Мужчина справа, женщина слева, а Вера посередине.

ПЁТР Захарович думал догнать Веру, посадить её в машину и потом решать, как действовать. Но он опоздал. Вера шла между мужчиной и женщиной.

Брат шпиона и его помощницу на улице было рискованно: могли пострадать Вера и прохожие. Пётр Захарович подумал и приказал сотрудникам:

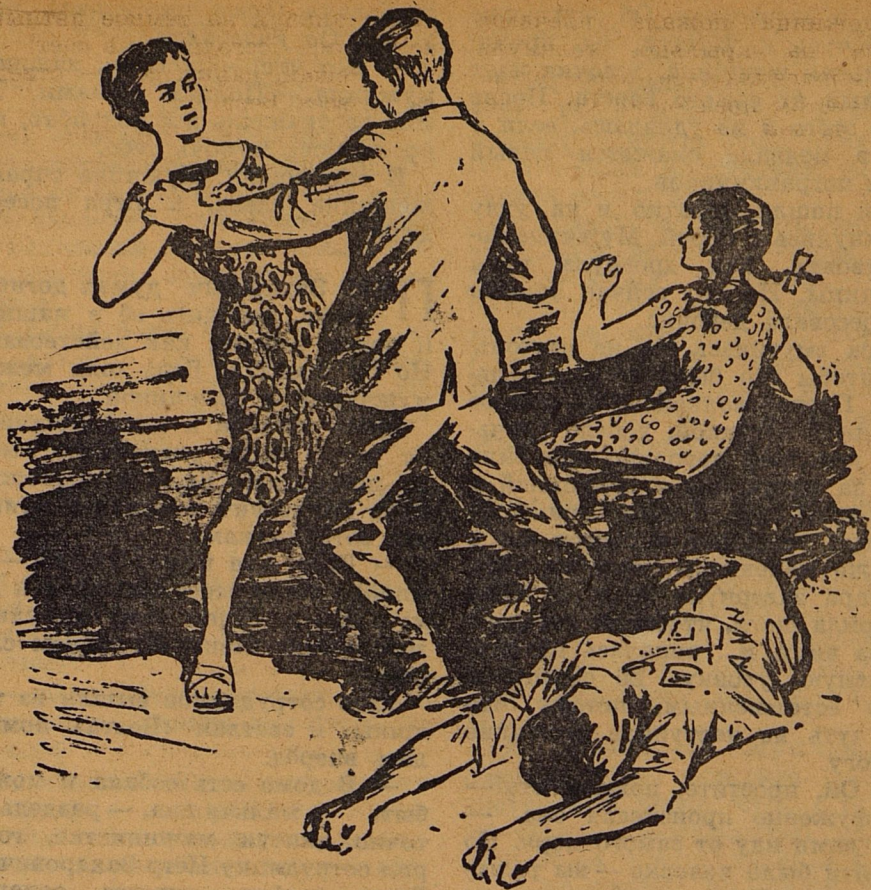
— Двое — за ними. Третий — со мной! Скорее всего они идут к дому... Брат будем там! На улице действовать лишь в крайнем случае!

Двое сотрудников вышли из машины, и светлая «Волга» помчалась вперёд.

— В доме есть собака и может быть мальчишка, — раздельно, точно диктуя машинистке, говорил сотруднику Пётр Захарович. — Ваша задача — отвлечь овчарку ровно на пять минут. Я проберусь через заднее окно. Мальчишку беру на себя. Когда они покажутся — будьте наготове. Моё объяснение с ними не затянется, и ваше присутствие не будет лишним...

К калитке, у которой вчера Вера разговаривала с женщиной, подошёл сотрудник. Овчарка встретила его спокойным взглядом. Сотрудник подёргал калитку. Собака встала, но к дому не бросилась. «Мальчишки нет!» — с облегчением подумал Пётр Захарович, издали наблюдавший за овчаркой, и решительно вошёл в соседний двор...

— Эста! Свои! — сказала художница, отпирая калитку и пропускающая вперёд Веру. За девочкой вошёл во двор и мужчина. Внешне это был всё тот же выхолонный, безукоризненно вежливый, приятный человек. Но внутренне он весь

дрожал от страха и злобы. Пока они шли по улице, он задал Вере много скользких вопросов, которые могли запутать и взрослого. Девочка долго не попадалась в расставленные сети. Она оживлённо, с юмором рассказала, как гонялась за мальчишкой, торговавшим раковинками, как пионеры организовали и провели бесплатную раздачу подарков.

— Откуда же вы берёте такое количество раковин? — спросил мужчина.

— У нас есть акваланг, — ответила Вера и в ту же секунду поняла, что говорить об этом не следовало. У неё мелькнула мысль — броситься бегом к первому попавшемуся постовому милиционеру. «Но ведь и он побежит! — тут же подумала она. — И может скрыться! Нет, надо идти рядом...» И она

продолжала вести этот неравный словесный поединок.

— Ах, акваланг! — произнёс мужчина. — Ну, тогда всё ясно! Попалась ты, девочка! Попалась!

— Разве аквалангом пользоваться запрещено? — наивно спросила Вера.

— Нет, не запрещено. Я говорю — попалась в том смысле, что мне удалось проникнуть в вашу пионерскую тайну. Вы наверняка в секрете это держите?

— Никакого секрета! Все знают!

Когда мужчина входил во двор, он уже знал, что выйдет отсюда один и к вечеру будет как можно дальше от этого дома.

— Дверь не запёрта, — предупредила женщина. — Входите!

— Нет уж, — усмехнулся мужчина. — Женщине, а особенно хозяйке — дорогоу!

Художница пожала плечами, взошла на крыльцо, толкнула дверь и шагнула через порог. Мужчины жестом предложил Вере следовать за ней и сказал:

— Пожалуйста!

Вера переступила высокий порог. Она не оглядывалась, но слышала, что мужчина идёт за ней. Дверь захлопнулась. На секунду наступила полная темнота. Неожиданно под ногами дрогнул пол: чьё-то тяжёлое тело упало сзади. Вера обернулась, и одновременно вновь распахнулась дверь. Девочка увидела каких-то людей, ворвавшихся в коридор, и папу, склонившегося над оглушённым шпионом.

— Обыскать! — приказал сотрудникам Пётр Захарович. Вдруг он прыгнул с коротким отрывистым криком, на лету оттолкнул Веру в сторону и ухватился за крохотный пистолет, зажатый в руке художницы. Хлопнул негромкий выстрел. Пуля, предназначавшаяся Вере, досталась Петру Захаровичу.

Второй раз женщина не выстрелила. Подоспевшие сотрудники обезоружили её.

В СЕРЕДИНЕ августа Пётр Захарович получил долгожданный отпуск. С утра до вечера сидел он в лодке вместе с охотницами за морскими раковинами. Вера ни на секунду не отлучалась от него. Она даже отказалась спускаться на дно. За всё это время она только один раз побывала под водой, чтобы показать водолазу место, где шпион спрятал акваланг.

Веру и девочек мучило любопытство. Но Пётр Захарович не слышал от них ни одного вопроса. Он сам завёл разговор о пережитых событиях.

— Ну, подружки мои дорогие, есть желание потолковать серьёзно? — спросил он как-то. — Секреты вы хранить умеете, а подслушать нас некому: кругом море да солнце. А та баржа, — Пётр Заха-

рович кивнул на тёмное пятнышко вдаль, — сегодня не в счёт!

— Решай, папка, сам! — ответила за всех Вера.

— Тогда слушайте. На днях ваш старый знакомый — маленький спекулянт опять будет торговать раковинами. Строго наказываю вам — не замечать его! Знаете, как это делается? Смотрите — и не видите, будто никого и нет. Так надо!.. Он выполняет наше задание... А теперь взгляните на самоходную баржу. Идёт она медленно, но каждую пятницу приходит к нашему причалу — возит бензин.

Где-то там, в море, враги сбрасывают в воду аквалангиста с большим запасом кислорода и с особым металлическим стержнем-щупом. На конце щупа смонтирован магнитный присос. Хитрое устройство! Приставишь щуп к днищу баржи, например, — устройство сработает и так соединит щуп с дном, что не оторвать. Держись за стержень и плыви под баржей — никто не заметит!

Когда до берега недалеко, можно отцепить присос, проплыть под водой, сбросить акваланг, вынырнуть и смешаться с купающимися. А ещё лучше, если в условном месте ожидает лодка с каким-нибудь приметным сигналом — например, с холстиной, натянутой на подрамник. Тогда спокойно забирайся в лодку, расшнуровывай покрывку мяча, разрежь камеру и доставай оттуда лёгкую одежду, обувь, документы, деньги и даже специальный облегчённый пистолет.

Но, чтобы лодка появилась в условном месте, нужен мальчишка. Он никого и ничего не знает. Он просто торгует раковинками и получает деньги. Его заставили запомнить, что все бумажные рубли он должен прятать в карман и сдачу рубликами не давать.

Художница просматривала деньги и находила ту единственную рублёвку, на которой имелась скрытая надпись. Так замыкался

круг. Он существовал без изменения несколько лет.

Три года назад шпион попытался пробраться в нашу страну. Но его встретил герой-пограничник. Враги на время законсервировали лазейку. Полтора месяца назад второй лазутчик пересек границу под водой. Его встретили вы.

Есть предположение, что появятся и третий. Вот почему я прошу

не замечать маленького продавца раковин. У вас и без него есть с кем воевать.

— Уже нет, папка! — возразила Вера. — Пока ты выздоравливал, спекулянты почти перевелись в нашем городе.

— Ну-у! — удивился Петр Захарович. — Вот так бы и со всякой нечистью!..

Кошелёк

Из истории простых вещей

Когда-то люди ходили без карманов. До XIV века их на одежде и в помине не было. Но ведь надо же было где-то носить ключи, мелкие деньги, да и мало ли для чего ещё нужны карманы! Вот и приходилось тогдашним людям носить мешочки, большие или маленькие.

У богачей эти мешочки делали из кожи или бархата, отделывались золотом и серебром. Бедняки шили их из обыкновенного полотна.

Но в XIV веке какой-то портной придумал карман на платье. Это оказалось очень удобным. Карман ведь

это тоже своего рода мешочек. Зачем же носить лишний? Да ещё в руках? Мешочек спрятали в карман. Он оказался тоже нужным: сложил в него мелкие монеты — они и не бол-

таются по всему карману, не звенят.

Сначала кошелек были приспособлены для хранения только круглых монет, но столетиями назад, когда уже нашли широкое распространение бумажные деньги, кошельки стали делать и квадратными, плоскими — кошелёк превратился в бумажник. А что такое женский ридикюль? Тот же кошелёк, тот же древний мешочек. Кстати, у него и должность-то такая же, как у пра-прадедушки-мешочка: всё носить с собой — ведь на женских платьях и сейчас карманы встречаются далеко не всегда.

Т Е из вас, кто читал повесть В. Смирнова «Са-ша Чекалин», сразу, наверное, поняли, что писатель — большой друг детворы. Много пишет Василий Иванович Смирнов для ребят о ребятах. О самых разных ребятах — и героях Великой Отечественной войны, и первых пионерах.

Скоро в издательстве «Молодая гвардия» выйдет новая повесть писателя — «Ребята из Скобского дворца».

Мы спросили писателя: что это за Скобский дворец и что за ребят имел он в виду? Василий Иванович ответил:

«Герои моей повести жили в дореволюционном Петрограде, на Васильевском острове, угол Косой и Кожевенной, в больших жилых домах. Дома эти сохранились и по сей день, а вот старые их названия давно забыты. В ту пору носили они имена «Скобского дворца» и «Моторного дома».

Жили в этих домах ребята — дети рабочих, народ задиристый, отважный. Принимали они самое непосредственное участие в революционных боях 1917 года, а потом создали свою «Партию ребят — пролетариев» — прообраз пионерской организации.

Вас, конечно, заинтересует, а откуда я так хорошо знаю этих ребят? Дело в том, что автор повести жил в одном из этих домов, учился в одной школе с ними, играл в одном дворе. Поэтому я смело могу передать всем вам горячий дружеский привет от героев повести — моих друзей: «скобай» и «гужеедов».

В. И. Смирнов

Рисунки Г. Моисеевой

Ребята из Скобского дворца

НА НОВОМ МЕСТЕ

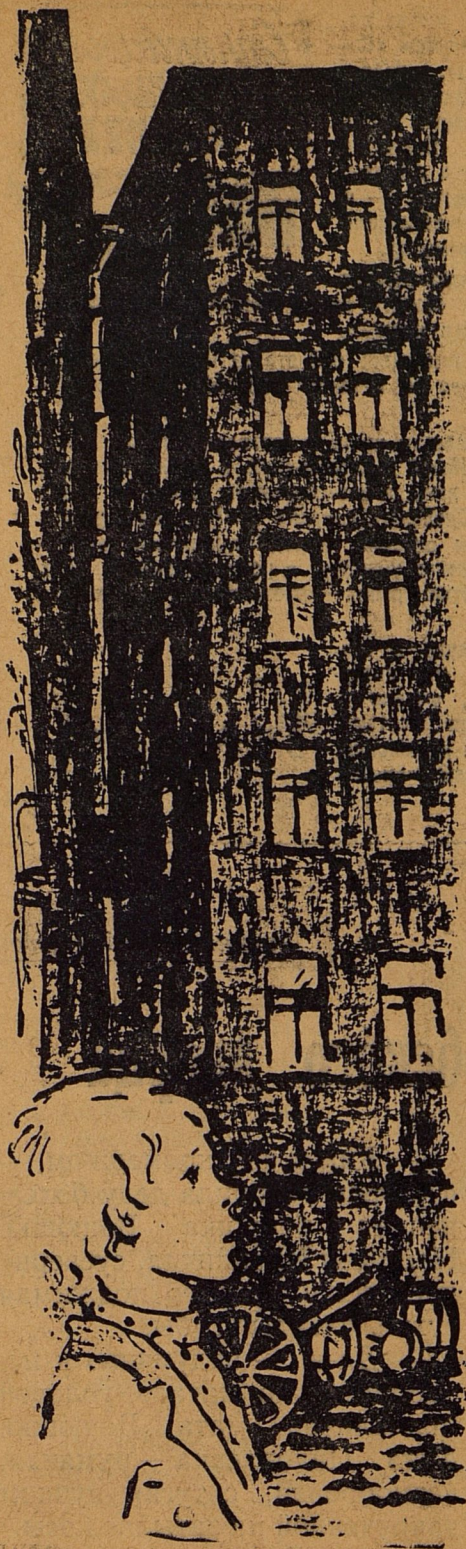
ПЕРВОЕ время, когда Ванюшка Чулин вместе с дедом, матерью и бабушкой поселился на рабочей окраине Питера, никому из них жизнь не была мила.

Куда ни взглянешь — чернели закопченные фабричные и заводские корпуса. Отовсюду неумолчно нёсся грохот, скрежет, визг; пахло гарью, нефтью, сырой кожей...

— Как в аду крошечном, — с укором говорила деду болезненная бабушка Ванюшки Настасья Ильинична, суеверно крестясь и скорбно поджимая сухие, блёклые губы.

— Да-а... — задумчиво и неодобрительно качала головой молчаливая мать Ванюшки Анна Николаевна — румяная, чернобровая, с тугим пучком закрученной на затылке косы.

Только Ванюшкин дед Ни-

колай Петрович не унывал. Козырем ходил он по комнате. Круглая, во всю голову, лысина у него отсвечивала. Карие с хитринкой глаза задорно смотрели сквозь стёкла очков в оловянной оправе.

— Зато живём мы теперь во дворце, — хвалился он, поглаживая свою окладистую чёрную с проседью бороду, и шуточно спрашивал у Ванюшки: — Так, что ли, Якунькин-Ванькин?

«Тоже... дворец!..» — презрительно думал Ванюшка, не высказывая вслух своих мыслей.

Огромный угловой шестиэтажный дом, где они теперь жили и в котором дед на паях с компаньоном Дерюгиным приобрёл чайную «Огонёк», носил в округе громкое название — Скобско́й дворец.

Дворцом он был назван, очевидно, в насмешку. Стоял он давно, почернев и одряхлев от копоти, дыма и сердитых ветров с Финского залива. Уличный фасад у него был рябой — в язвах-плешинах. С крыши свешивались ржавые водосточные трубы. Разбитые окна были заклеены бумагой, заткнуты тряпками, подушками. Жили во дворце рабочие люди и разная голытьба.

А по сторонам, возвышаясь над дворцом, неустанно днём и ночью дымили высоченные кирпичные трубы, заволакивая всё небо густым облачным маревом.

— Скучать здесь не будешь... — сказали Ванюшке домашние, когда он первый раз спустился по зашарканным,

избитым ступенькам тёмного, грязного подъезда, с любопытством озираясь по сторонам.

Уже с утра на дворе былолюдно и шумно, словно на базаре, и стоял такой многоголосьный гомон многочисленной ребятни, что Ванюшка, несмотря на свой неробкий характер, сразу растерялся, не зная, в какую сторону ему податься.

Был он в тот день, благодаря своему непокорному, неуступчивому нраву, неоднократно поколочен. Светлая курточка на нём сразу навсегда почернела и лишилась большинства пуговиц, а у довольно ещё крепких ботинок начали отставать подметки, когда Ванюшку несколько раз проводили по земле.

У деда даже сползли на нос очки, когда Ванюшка предстал перед глазами домашних. «Ну и голубчик, что паровой огурчик!» — по своей привычке пошутил дед, изумлённо качая головой. Но вмешиваться в мальчишеские дела дед наотрез отказался, запретил и Ванюшкиной матери это делать, справедливо полагая, что всё постепенно обойдётся и войдёт в норму.

Прошло несколько дней, и Ванюшка, как и предсказывал дед, стал входить в «норму».

Осваиваясь, Ванюшка быстро понял, что среди много-

численной ребятни, хозяйничавшей на дворе, существуют свои неписанные законы и порядки, нарушать которые безнаказанно нельзя; что охраняет двор Скобского дворца своё многочисленное войско, держащее в страхе и покорности всех окрестных мальчишек; что верховодит ими коренастый, светловолосый, с зычным повелительным голосом и крепкими, словно отлитыми из чугуна, кулаками рябой Типка из нижнего этажа.

Ванюшка видел, как водил

Типка со двора на улицу и обратно всю ватагу ребят, человек сто, наверно, не меньше. Шагал он впереди всех, как полководец, развалистой моряцкой походкой, в своей неизменной полосатой тельняшке, в длинных, до пяток, брезентовых штанах, туго подпоясанных рьжим огрызком ремня, и в небрежно заломленном набекрень картузе с рваным козырьком. За ним послушно тянулись и остальные, такие же, как и он, оборванные, чумазые, вихрастые, босоногие, оглушая встречающих многоголосьем свистом и криком.

— Скобари идут... — говорили прохожие, уступая шумной ватаге дорогу. Звучало это, как вскоре убедился Ванюшка, веско и убедительно.

СКОБАРИ

ПРЕДСТОЯЛО теперь Ванюшке решить весьма сложную и важную задачу в своей жизни: тоже стать скобарём или остаться одиночкой-отщепенцем на задворках Скобского дворца. Вскоре с Ванюшкой познакомились не только рядовые скобари. На него обратил внимание высокий и тонкий, темноволосый и важный, словно генерал, Серёга-Копейка. Был он так прозван ещё в незапамятные времена за свой приплюснутый, как у поросёнка, нос.

— Чужак?.. — осведомился он, уставившись на Ванюшку, как на какое-то диво. — Ты что здесь шляешься?

— Свой! Нашенский!.. — за-

галдела вокруг мелюзга, успевшая раньше всех познаться на дворе с новичком.

А юркий черноглазый карапуз Кузька-Жучок звонким голосом восторженно добавил:

— Его дед за буфетом в чайной народ охмуряет...

Скрепя сердце, Ванюшка промолчал.

— Значит, ты... Чайник! — глубокомысленно изрёк Копейка, оглядывая Ванюшку со всех сторон. При этом он подтянул свои короткие штаны и для чего-то расстегнул рваную жилетку, в которой уже с весны щеголял без рубашки.

— Ты, Чайник, не бойся, — покровительственно похлопал он по плечу Ванюшку, ободряюще скаля свои белые, как кипень, зубы с широкой щербинкой посредине. Этой щербинкой Копейка очень гордился. Позволяла она ему, как из рогатки, с необычайной ловкостью и точностью плевать направо и налево на сажень и больше. — Своих мы не трогаем...

Угостив кого-то из скобарей для порядка зуботычиной, чтобы Ванюшка понял, что имеет дело с весьма уважаемым и авторитетным человеком на дворе, Копейка важно удалился, застёгивая свою клетчатую жилетку.

Копейка даже не подозревал, какое он сделал чёрное дело и на какую муку мученическую обрёк Ванюшку! С этого памятного дня Ванюшка перестал быть на дворе Ванюшкой, бесповоротно потеряв своё имя. Стал он на веки веч-

ные Чайником. И эта нелепая и обидная кличка моментально приросла-прилипла к нему, как репей или бородавка. Никакими силами её уже невозможно было отодрать.

Копейка больше не приставал к Ванюшке, узаконив его пребывание на дворе Скобского дворца. Но зато Ванюшкой всерьёз и надолго заинтересовался другой главарь скобарей — рыжий, вертлявый, всегда одетый в пёстрые лохмотья сын дворника Петька-Цветок. Встретив Ванюшку на дворе, он с явным презрением осведомился у окружающих:

— Это что за шкилет?

— Наш... Чайник!.. — радостно загалдела ребятня, а Ванюшка сразу растерялся, недоумевая, какой же он шкилет? Тем более, что до встречи с Цветком Ванюшка был о себе высокого мнения, считая себя рослым, видным парнем и вовсе не шкилетом...

Получив от Цветка не очень ощутимый, но весьма обидный тумак, Ванюшка всё же смирился. Он отошёл от заносчивого Цветка подальше, не желая подвергать свою личность ещё большему унижению на глазах у свидетелей: со стороны на него с явным интересом и участием поглядывала какая-то черноокая шустрая девчонка.

Но Цветок не успокоился. Повелительным жестом он снова остановил Ванюшку и, не улыбаясь, серьёзным тоном предложил:

— Хочешь, Чайник, я тебе нос отобью?..

Возможно, Цветок говорил это шутя, но Ванюшка сразу ошетинился.

— Только троны!.. — в свою очередь погрозил он Цветку и добавил: — Подумаешь, какая цаца!.. Пуговица от штанов!

Цветок был ошеломлён. С ним — испытанным и закалённым в многочисленных боевых схватках скобарём, разговаривали на дворе таким тоном! И кто? Какой-то чужак, без году неделя живущий в Скобском дворце.

— Ты что за фря такая?.. — изумился он, отступив на шаг от Ванюшки и мысленно оценивая его мальчишеские качества.

— А ты кто такой?.. — с таким же презрением осведомился Ванюшка, ощущая дрожь в ногах и зуд в кулаках.

Цветок с негодованием усмехнулся.

— Я у Царя первый министр... — сообщил он, явно бахвалясь, выпячивая из-под лохмотьев пиджака свой полуголый живот: — Что, скривился, Пу-поч-ка!.. Не знаешь, что на дворе у нас Царь живёт?..

Позеленев от новой обиды и не понимая, какой же он Пу-поч-ка, Ванюшка в запальчивости ответил:

— Сам ты... Пу-поч-ка... Знаю я вашего Царя. Не всамделишный он... тоже... своим Царём ещё похвывается...

Ванюшка снова пренебрежительно сплюнул и растёр плевков ногой, показывая своё полное пренебрежение не только к Цветку, но и к его по-

велителю — Царю. Это была слишком дерзкая и необдуманная выходка. Ванюшка сразу же пожалел о своих словах, но было уже поздно.

— Кого хулишь!.. — злоеющим голосом спросил Цветок, снимая с плеч болтавшийся на нём, как на вешалке, отцов пиджак. Аккуратно свернув пиджак и положив его в сторону, Цветок решительно стал засучивать рукава своей кумачовой в заплатах рубахи. Не отличаясь достаточной силой, обладал он необычайной ловкостью и был до отчаяния храбр, не боясь налетать на мальчишек сильнее и старше себя.

Для большей убедительности поплевав на кулаки, Цветок всё же счёл нужным предупредить Ванюшку:

— Чичас я тебя в гроб вгною...

Отмерив несколько шагов, он приказал:

— Чичас же копай себе могилу... и заказывай панихиду.

Однако Ванюшка не подумал заказывать панихиду и тем более копать себе могилу. Он тоже засучил рукава своей курточки... Но решительная схватка не состоялась.

— Ребята-а!.. — вдруг пронзительно закричал Цветок на весь двор, отступив на шаг от Ванюшки: — Чайник нашего Царя не признаёт!..

Это была явная ложь. Цветок возводил на Ванюшку неслыханный по своей наглости поклёп. Царя в Скобском дворце Ванюшка признавал, но совершенно не уважал. Разница весьма существенная.

Сразу же их окружили жадные до всякого происшествия скобари. У Цветка немедленно нашлись добровольные по-

звучал повелительный басовитый голос:

— Т-тащи его сюда!..

Принадлежал этот повелительный басовитый голос рябому Типке-Царю, прозванному так по своей фамилии — Царёв. Сидел Царь неподалёку от помойки и с живейшим интересом наблюдал за развернувшейся баталией.

Скобари волоком потащили упиравшегося Ванюшку на суд и расправу к Типке-Царю.

— Го-го-го!.. — шумели вокруг ребята, потешаясь над обессилевшим Ванюшкой. — Чайника вразумлять будем!..

ЦАРЬ И ФРОСЬКА

ТИПКА-ЦАРЬ не злоупотреблял своей силой и держался на дворе просто и не заносчиво. Вершил он всеми делами через своих подчинённых. Собственные кулаки берёг для серьёзных схваток, не размениваясь на пустяки.

Когда Ванюшку под усиленным конвоем приволокли на суд и расправу, Царь встретил его нарочито свирепо, нахмурившись и сложив по-наполеоновски руки на груди.

— Ша!.. — зычным, немного хрипловатым голосом рявкнул Царь на окружающих.

Кругом стихло. Царь любил порядок и тишину, когда разговаривал. Он снова сел на камень и, положив ногу на ногу, по своей привычке чуть заикаясь, сурово сказал Ванюшке:

— Ш-шалтай - болтай! — Означало это: «Говори...»

Ванюшка ещё не знал, что

мощники. Положение Ванюшки стало критическим. Но Цветок ещё медлил.

— Покорись!.. — шёпотом советовал Ванюшке чернявый губастый сын бакалейщика Лёвка-Купчик. Ребята на дворе его не трогали, знали, что он платит дань Царю.

— Не покорюсь... — шептал про себя Ванюшка, готовый умереть, но не сдаться. Но что мог поделаться Ванюшка один, не имея друзей?

И в этот критический момент громко, на весь двор, про-

Царь судил быстро и справедливо. Охаянный недругами немедленно отпущался на свободу, имея право на возмездие обидчикам. Преступник же получал по заслугам тумаки и зуботычины.

Ванюшка смотрел на Царя с заметным презрением, не желая вступать с ним в разговор.

— Ну-у!.. — снова напомнил Царь.

Тут вперёд выступил Цветок. Громко шмыгая носом, он доложил Царю, как было дело.

— Ж-живота али смерти? — грозно спросил Царь у Ванюшки.

Все ждали, что Ванюшка запросит — живота. Иначе и не могло быть. Царь находился в миролюбивом настроении и не склонен был выносить суровый приговор.

Но Ванюшка, ничего не ответив, метнулся в сторону, сшиб второпях кого-то из скобарей и дал стрекача. Только засверкали его пятки.

Немедленно в погоню за беглецом ринулись самые быстрые услужливые слуги Царя. Ванюшка был изловлен и с большим позором притащен к Царю. Всё ещё продолжая сопротивляться, Ванюшка теперь не ждал ничего хороше-

го, чувствуя, что его судьба уже решена.

Но тут произошло нечто непредвиденное, покрывшее Ванюшку на долгие дни несмываемым позором. Из сгрудившейся толпы ребят неожиданно выскочила смуглолицая, чернявая, босоногая девчонка в рваной ситцевой кофточке с засученными рукавами.

— А ну отпусти!.. Кому говорю!.. Только троны!.. — повелительно распоряжалась она, бесцеремонно вклинившись в кучку скобарей, окруживших Ванюшку, и смело расталкивая всех локтями.

Ребята нерешительно раступились. Цветок было заупрямился, но она так его двинула локтем, что он тоже отступил, возмущённо дёргая своими узкими плечами и вопросительно оглядываясь на Царя.

Вызволив Ванюшку, она стояла перед скобарями как королева, вызываяще вскинув черноволосую кудлатую голову, гневно сверкая своими большущими черносливиными глазами, и огрызалась на насмешки ребят.

— Го-го-го!.. — шумели и смеялись вокруг. — Фроська-Буян за Чайника заступается...

(Продолжение следует)

За 1000м 100...

(Об архиве фотокорреспондента Н. П. Карасёва.
Смотри 3-ю страницу обложки)

В Ленинграде живёт фотокорреспондент Николай Петрович Карасёв, человек, который почти всю свою сознательную жизнь не расстаётся с фотоаппаратом.

Свой путь фотокорреспондента он начал в кружке при клубе швейников. Николай Петрович вспоминает: когда в «Бытовой газете» был впервые опубликован его снимок — мальчишки ловят жука-плавунца, — он, идя по улице с газетой в руках, подпрыгивал от радости.

Любовь к фотографии привела подростка Николая Карасёва на оптический завод, где он стал сборщиком первых советских фотоаппаратов «Фотокор» № 1.

Свыше 30 лет Николай Петрович Карасёв работает в советской печати. В его квартире на Литейном проспекте есть комната, занятая фотоархивом. Каких только снимков нет там на стеллажах!

Вот некоторые из них.

Дирижабль над Ленинградом! Чей это воздушный корабль? И почему он летит над нашим городом?

В 1926 году норвежец Р. Амундсен достиг Северного полюса на дирижабле «Норвегия». Его корабль, сделав круг, улетел на Аляску. Командиром дирижабля Амундсена был конструктор воздушного корабля — итальянец Умберто Нобиле.

Через два года, в 1928 году, Нобиле сам снарядил дирижабль, названный им «Италия», и полетел на нём к полюсу. Воздушная трасса проходила через ленинградское небо (см. фото).

В ночь на 24 мая «Италия» достигла Северного полюса. Около двух часов кружилась она над ним, но не могла никого высадить на лёд. На обратном пути воздушный корабль попал в плотный ту-

ман. Полёт проходил вслепую. Дирижабль покрылся льдом и стал стремительно снижаться. При ударе о лёд одна из гондол, в которой находилось десять членов экипажа, разбилась, и люди, в том числе Нобиле, очутились на льду.

Путешественники получили сильные ушибы и ранения. К их счастью продовольствие, палатка, аккумулятор, радиостанция тоже остались на снегу.

Облегчённый дирижабль, никем не управляемый, навсегда скрылся в юго-восточном направлении.

Итальянцы не особенно усердно искали своих соотечественников. Волчий закон капитализма — попал в беду, выпутывайся сам, — действовал и здесь!

Потерпевших катастрофу итальянских воздухоплателей спасли советские лётчики и моряки. Советский радиолюбитель Шмидт, живший в Архангельске, первым принял сигнал бедствия.

На помощь путешественникам поспешили наши ледоколы, лётчики Чухновский и Бабушкин.

Советские люди подали руку помощи людям, оказавшимся в бескрайней северной пустыне, и спасли их от неминуемой гибели.

Фоторепортёрская работа свела Николая Петровича Карасёва с выдающимся полярным капитаном Владимиром Ивановичем Ворониным. (На снимке 1935 года он сфотографирован вместе с сыновьями Колей и Петей в своей квартире на Лесном проспекте в Ленинграде.)

Род поморов Ворониных уходит корнями в далёкое прошлое. Предки Владимира Ивановича смело бороздили просторы северных студёных морей. Сын бедного рыбака-тресколова, Володя Воронин с восьми лет начал плавать по мо-

рю. От юнги до прославленного капитана, который воплотил вековую мечту мореплавателей — прошёл в одну навигацию на ледоколе «Сибиряков» из Атлантического океана в Тихий через северные моря — таков путь этого замечательного человека.

За этот выдающийся подвиг Воронин был награждён орденом Ленина.

В 1933 году известный советский учёный и исследователь Арктики О. Ю. Шмидт пригласил Воронина принять участие в новой экспедиции по Северному Морскому пути. Владимир Иванович охотно согласился, принял командование недавно построенным ледоколом «Челюскин».

Новое судно, недавно спущенное со стапелей, стояло на Неве у моста Лейтенанта Шмидта (см. фото). Белоснежный красавец «Челюскин» должен был повторить легендарный поход «Сибирякова».

Толпы ленинградцев наблюдали за погрузкой судна.

12 июля 1933 года в 10 часов утра, дав прощальный гудок, «Челюскин» медленно отошёл от берега.

Во время похода жена геодезиста Василия Гавриловича Васильева Доротея Ивановна родила дочь. Об этом событии с морской точностью была сделана запись в судовом журнале «Челюскина»:

«31 августа 1933 года. Карское море. 5.30. У супругов Васильевых родился ребенок — девочка. Считаемая широта $75^{\circ} 46,5$ сев., долгота — $91^{\circ} 06$ вост. Глубина 52 метра. Имя девочки — Карина».

Но Карине, названной так в честь Карского моря, как и всем участникам экспедиции, пришлось пережить трудные, полные опасности и лишений дни.

В феврале 1934 года в 155 милях от побережья Чукотки произошла катастрофа. «Челюскин» был раздавлен льдами. Судно затонуло.

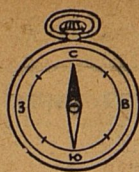
Люди высадились на лёд. Туда же перенесли всё снаряжение.

Страна пришла на помощь отважным полярникам. Родина послала им на помощь смелых летчиков — Ляпишевского, Леваневского, Слепнёва, Молокова, Каманина, Водопьянова, Доронина.

Челюскинцы были спасены. Последним покинул льдину и сел в самолёт капитан Воронин.

Как сложилась судьба девочки, родившейся в Карском море? Она окончила 10 классов в 193-й школе Ленинграда. Мечтая о путешествиях, поступила на геологический факультет Ленинградского государственного университета. Закончив его, отправилась в далёкую экспедицию на Алтай. Сейчас геолог Карина Васильева живёт в Грузии.

М. БЕРЕЖНОВ

ПО ДНУ НЕВЫ...

В конце прошлого века в Шлиссельбурге (Петрокрепость) произошло небывалое событие: сильный ветер разделил воду в месте слияния Ладожского озера с Невой так, что часа четыре жители города и деревни Шереметьевки бродили по дну реки, собирая раковины, старинные монеты, оружие, предметы домашней утвари. О подобном же событии, случившемся в 1594 году, сообщает старинная рукопись: «Явление во граде Орешке».

Необыкновенное явление объясняется прохождением циклона с небольшим диаметром, — примерно такого же размера, как расстояние от Финского залива до Ладожского озера.

Пернатые овчарки

Овцеводы Южной Африки для охраны овечьих стад используют... страусов!

Дело в том, что по натуре страус скандалист и драчун, он не упустит возможности ввязаться в драку, а сильные ноги и крепкий клюв делают его опасным противником.

Страусы ревностно выполняют свои обязанности, и овцеводы довольны пернатыми овчарками.

Это справедливо...

Самые крупные деревья на земле — калифорнийские сосны, или, иначе, мамонтовы деревья. Достигая 140 метров высоты, эти гиганты могут иметь более 40 метров в объёме. Калифорнийские сосны были открыты не так давно — около 100 лет назад. Английский ботаник Линдлей в 1859 году назвал эти деревья веллингтониями — в честь полковника Веллингтона, но американские ботаники запротестовали и «перекрестили» дерево, на-

звав его вашингтонией. Однако позднее выяснилось, что калифорнийская сосна представляет собою новый вид уже известного науке рода секвойи, и за ней пришлось закрепить название секвойи гигантской.

Ну что же, это справедливо... Секвойя — индейское слово, такое имя носил вождь племени ирокезов, очень культурный человек, изобретатель индейской письменности и народный герой, боровшийся против вторжения европейцев в Америку.

Новое сердце

МЕХАНИК по-
дошёл к
автомашине, за-
пустил мотор, по-
том открыл ка-
пот, прислушался.

— Постукивает,
— произнёс он,
выждав. — Сейчас
поставим диагноз,
а там уж произ-
ведём и опера-
цию...

Владелец ма-
шины усмехнулся.
Ему, врачу по
профессии, пока-
залась забавной
эта шутка.

Но вот механик
открыл чемодан-
чик, достал при-
бор, почти такой же, каким поль-
зуются врачи при выслушивании
больных, и, всунув в уши наконеч-
ники его резиновых шлангов, снова
склонился над мотором. Послушал
в одном месте, в другом и объ-
явил:

— Разрегулировался тепловой за-
зор выпускного клапана второго
цилиндра. Болезнь не опасная. Сей-
час вылечим сердце вашего авто-
мобиля...

Доктор позавидовал автомехани-
ку. Без крови, без боли, без риска
он «вылечил» автомобильный дви-
гатель. Вот если бы так мог рабо-
тать врач: подрегулировал клапаны
сердца, сосуды или нервы больно-
го, и человек снова здоров! А если
износилась какая-то деталь, заменил
её новой. «Пожалуйста, больной,
получите рецепт. По нему вам в
аптеке выдадут новенькое серд-
це...»

Фантастика? Нет, эти мечты врача
не совсем фантастика.

КИЕВ. Клиника
грудной хи-
рургии профессо-
ра Н. М. Амосова.
По коридору про-
возят на коляске
три над ца ти лет -
нюю девочку. У
девочки врождён-
ный порок: меж-
ду желудочками
сердца — отвер-
стие. Кровь арте-
риальная и веноз-
ная смешиваются,
организм не по-
лучает достаточ-
ного количества
кислорода, де-
вочка задыхается.
Предстоит опера-
ция. Хирургу нуж-

но «заштопать»
отверстие между
желудочками или наложить «запла-
ту» из пластмассы. Операция тре-
бует отключения сердца. Вот здесь-
то на помощь и приходят замеча-
тельные аппараты.

В операционной — небольшая ма-
шина из белого металла, нержа-
вющей стали, плексигласа и мно-
жества полиэтиленовых трубок. Эта
машина — «сердце-легкие» — де-
тище профессора Амосова, врача
Лиссова, инженеров Трубочанинова
и Мавродия — первая широко при-
меняемая отечественная машина
искусственного кровообращения.

С помощью этой машины врачи
делают операцию на открытом
сердце девочки, о которой мы рас-
сказали. Девочка станет здоровой,
весёлой, жизнерадостной. Будет не
только ходить, но и бегать по лест-
нице, танцевать, заниматься спор-
том.

Николай Михайлович Амосов и
его сотрудники ведут новые поиски.

Нельзя ли сконструировать искусственное сердце, которое работало бы параллельно с живым, в помощь ему? И не минуты и часы, а недели и месяцы? Они мечтают о создании сердца-протеза! Ещё много нерешённых вопросов. Где и как будет крепиться насос? Может быть, к позвоночнику? Каким будет привод? А источник энергии? Может быть, нужен аккумулятор, который больной сможет носить в сумке или в кармане? Или баллончики со сжатым воздухом?..

Работы ещё много. Она требует содружества инженеров, математиков, физиологов. Необходимы специальные конструкторские бюро, мастерские, лаборатории, клиники... Но раз есть энтузиазм, высокое творческое горение, всё остальное придёт, и больные получат сердце, с которым начнут свою вторую жизнь.

В нашей стране уже создана диагностическая машина. Но она пока далека от совершенства. Медицине нужна более совершенная, такая, которая «сама», по датчикам соберёт «информацию» о состоянии больного, обработает показатели — определит, что за болезнь у человека. Конечно, для этого придётся много поработать. Но учёные мечтают о такой машине, и это не только мечты...

АРТЕРИАЛЬНЫЙ склероз — тяжёлая и опасная болезнь. Сначала на стенке артерии появляются жировые отложения, потом откладывается известь. Кровеносные сосуды теряют эластичность, твердеют. Кровообращение нарушается. У человека, скажем, заболела нога. Никакие лечебные процедуры или лекарства не помогают. Через несколько месяцев человек уже не может ходить. Врачи ставят диагноз: нарушение кровообращения. Нога онемела, на кончиках пальцев появляется чернота. Гангрена!

Как же предотвратить несчастье, как спасти больную ногу? Над этими вопросами уже много лет работает профессор А. Н. Филатов, опытный хирург, научный руководитель Ленинградского института переливания крови. Профессор и его ближайшие помощники — хирурги Н. Г. Карташевский, К. Ю. Литманович и М. Е. Депп пришли к выводу, что поражённые артерии нужно заменять искусственными.

После продолжительной и кропотливой исследовательской работы учёные вышли победителями. Сейчас на одном из ленинградских предприятий — фабрике «Красное знамя» установлены новые машины, которые искусно плетут из тончайших синтетических волокон эластичные трубочки — будущие артерии.

На бумажных лентах были написаны две пословицы, после чего ленты переплели «рогожкой» так, что некоторые буквы «скрылись». Попробуйте найти спрятанные буквы — прочесть пословицы. Одна из них написана на вертикальных лентах, другая — на горизонтальных.

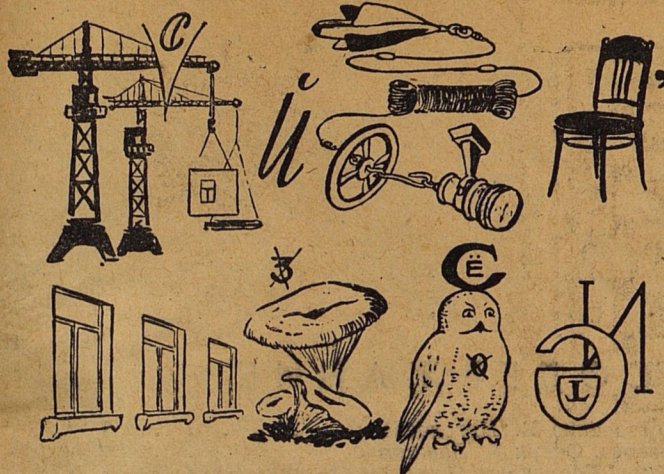
ДЛЯ ЧЕГО ОНИ СОБРАЛИСЬ?..

Оказывается, эти тринадцать животных собрались здесь не случайно — они приветствуют известного артиста нашего цирка...

В этом не так уж трудно убедить-

ся, если вспомнить, как называется каждое из этих животных: из первых букв их названий можно сложить имя и фамилию этого артиста.

Дорогие читатели, этот ребус разгадать не так-то просто — он довольно хитрый сам по себе, к тому же здесь вы впервые встретитесь с особым приёмом, позволяющим «вставить» букву в середину слова... Но подумать над ребусом стоит — у него интересная разгадка.

БУКВЕННАЯ ЗАДАЧА

Дано тридцать слов: борт, зубр, паук, рейд, вязь, кокс, буер, глава, довод, канат, драма, апорт, тире, стан, опала, пенал, ранет, табун, хорь, топор, торос, пилон, семья, склон, сорок, белена, карета, кармин, буерак, стопка. Превратите их в новые слова, исключив из каждого данного слова какую-то одну букву. При этом оставшиеся буквы нельзя переставлять, — вы как бы вычеркиваете исключаемую букву.

Выписывайте исключаемые буквы по порядку, — они сложатся в пословицу.

ЛОГОГРИФ

Р				К
А				И
К				Т

Наша читательница Наташа Сырова составила логогриф. Она предлагает превратить рака в... кита!

Вы уже знаете, как решаются логогрифы — нужно в слове «рак» изменить только одну букву, но так, чтобы получилось новое слово, затем в этом слове изменить опять одну только букву, чтобы получилось третье слово... И так до тех пор, пока у вас не получится «кит».

Проверь себя

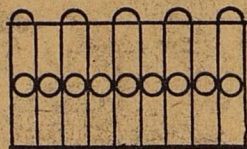
(Ответы к «Искорке» № 12)

КРУГЛЫЙ КРОССВОРД

По часовой стрелке. 1. Роза. 2. Рона. 3. Кино. 4. Дата. 5. Рига. 6. Сова. 7. Тара. 8. Пара. 9. Коса. 10. Нота.

Против часовой стрелки. 1. Роса. 2. Рота. 3. Коза. 4. Дина. 5. Рана. 6. Сито. 7. Тога. 8. Пава. 9. Бара. 10. Нора.

РЕШЁТКА

Решение смотрите на рисунке.

РЕБУС-ЗАГАДКА

Зимой и летом одним цветом (ель).

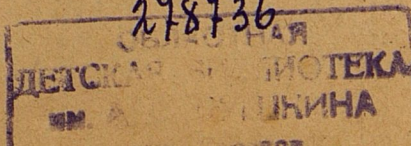
ПОПРАВКА

В 12-м номере «Искорки» ответ на «Задачу букв» был помещён ошибочно. Следует:

ГОЛОВОЛОМКА

«Великан», «Гигант», «Голизей», «Рекорд», «Балтика», «Октябрь», «Родина», «Спартак», «Совет», «Арс», «Нева». Из затупёванных клеток составит: «Луч».

278736

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Новичок. Стихотворение В. Николаева	1
Отряд из Смольного. Очерк А. Павлова	2
Немецкая овчарка. Космонавт. Разговор о технике. Как бы?	
Стихи Е. Серовой	12
Два почтальона. Рассказ Николая Григорьева	14
На берегу Адриатического моря. Стихотворение В. Кру-	
тецкого	19
Сосны шумят. Рассказ В. Козлова	20
И ты будешь счастлив, мальчик! Текст к фотоочерку на 2-й	
странице обложки	34
Белка и Стрелка. Стихотворение Юрия Яковлева	35
Морские раковины. Рассказ А. Власова и А. Млодика	37
Кошелёк. (Из истории простых вещей)	48
Ребята из Скобского дворца. Повесть В. И. Смирнова	49
За годом год... Текст к фотографиям на 3-й странице	
обложки	57
Пёстрые заметки	59
Новое сердце (В лабораториях учёных)	60
Клуб смекалистых ребят	62

На 1-й и 4-й страницах обложки рисунок К. Бекташева «Весёлая зима».

И. о. редактора А. А. БЕЛЯКОВА*

Адрес редакции: Ленинград, Смольный, 5-й подъезд. Тел. Ж 9-15-37

Сдано в набор 20/XII 1961 г. Подписано к печати 26/I 1962 г. 4 печ. листа.
 М-07014. Зак. № 1923. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000.

Типография имени Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57

Цена 10 коп.

